МИХАИЛ ДОРИН

КАВКАЗСКИЙ РУБЕЖ

18+

Михаил Дорин

Кавказский рубеж 11

«Автор»
2026

Дорин М.

Кавказский рубеж 11 / М. Дорин — «Автор», 2026

1991 год. Александр Клюковкин живёт мирной жизнью. Семья, работа и, конечно, вертолёты, которые он день за днём поднимает в небо.Но всё меняется, когда очередной «пожар» войны вспыхивает на новых окраинах Великой страны. Александру предстоит отправиться туда, где решается судьба государства.

© Дорин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 31
Глава 6 38
Глава 7 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Михаил Дорин
Кавказский рубеж 11

Глава 1

Дымка на глазах начала рассеиваться, открывая вид на корабли под флагом ВМФ Советского Союза.

К берегу приближались два больших десантных корабля. Пока я выполнял вираж в километре от каменистого пляжа, оба судна уткнулись носами в гальку. Створки раздвижных ворот в носовой части открылись.

И первыми по опустившейся аппарели на берег выкатились два БТР-80. Они сразу уходили с пляжа, занимая фланги. Следом за ними пошли основные силы два танка Т-80. Личный состав «чёрных беретов» высаживался вместе с техникой, сразу занимая сектора стрельбы.

— 317-й, я Кама-1, «ленточка» замедлилась, — выдохнул в эфир Трофимов.

Грузинская колонна, которая ещё минуту назад рвалась к Тамышу, встала. Я видел, как замыкающие БМП-1 начали сдавать назад, наезжая на кустарники. Пехота спрыгивала с брони и вылезала из грузовиков, рассыпаясь по «зелёнке» вдоль трассы. Наступление захлебнулось моментально. Они больше не пытались атаковать, спешно окапываясь и искали укрытия.

— Против такой силы в лобовую не попрёшь, — спокойно сказал Лёха по внутренней связи.

В эфире моментально появились новые позывные.

— Обруч, я 405-й, занял зону. Высота 3900, — раздался хриплый голос.

— Обруч, принял. 720-й, вам на связь с Архаром. Прошли рубеж 35.

— 720-й, понял.

— Обруч, я Галька-1, высадку завершил. «Коробки» выдвинулись, — доложил кто-то с земли.

— Принял, Галька-1.

Пора нам было «закругляться». Горели лампы аварийного остатка.

— Кама-1, я 317-й. Аварийный остаток топлива. Ухожу на точку, — нажал я кнопку выхода в эфир.

— Кама-1, принял 317-го. Возврат на базу. И… спасибо, «полосатые», — громко ответил Трофимов.

— Это всего лишь наша работа. До встречи, — ответил я, отворачивая вертолёт в сторону моря.

Группой из трёх вертолётов мы встали на обратный курс, не допуская резких разворотов. С таким остатком топлива лучше активно не маневрировать.

— Дальность до точки? — запросил я у Лёхи.

— 45. Подлётное время 10 минут, — ответил мне оператор, пока я занимал высоту 100 метров.

Ведомый к этому времени пристроился справа. На встречном курсе, чуть выше нас, прошла пара штурмовиков Су-25, отстреливая тепловые ловушки.

Вертолёт летел ровно, без колебаний и скольжений. При аварийном остатке топлива, если неаккуратно сманеврировать, можно «хапнуть» воздуха в топливную систему. А это тут же приведёт к самовыключению двигателя.

До Бомбора лететь всего ничего, но с пустыми баками это расстояние казалось в разы больше.

На берегу, история грузино-абхазского конфликта уже пошла по какому-то другому пути.

— Саныч, подходим к точке, — сообщил Лёха.

— Остатки в группе? — запросил я в эфир информацию у остальных.

— 318-й, 200.

— 212-ый, 240. Загорелись лампы.

— «Лачуга», я 317-й. 200 метров, давление аэродрома установил. Подходим к точке тремя единицами, удаление 10. Остаток аварийный. Прошу посадку с ходу.

В эфире на пару секунд повисла тишина. Видимо, группе руководства было необходимо подготовиться к нашему внеочередному заходу на посадку.

— 317-й, я «Лачуга». Полоса свободна. Ветер встречный, три метра. Посадку с ходу разрешил, — ответил руководитель полётами без лишних формальностей.

— Принял, «Лачуга». На стоянку сяду, — спокойно ответил я, поворачивая в сторону капониров.

Впереди, в мареве горячего воздуха, показалась серая полоса аэродрома Бомбора, которая доходила почти до моря.

— Саныч, а мы поместимся? — спросил Лёха, когда увидел сколько техники стояло на магистральной рулёжке и ждало очереди на закатывание.

Сверху были видны несколько больших транспортных самолётов и наших вертолётов. Место для посадки разумеется есть, но надо подойти очень аккуратно к данному «вопросу».

— Поместимся, — спокойно ответил я, начиная аккуратно снижаться.

Мы пролетали над виноградниками и домами Гудауты. Красные лампы аварийного остатка действовали на нервы.

— Сейчас… аккуратно. Тут места… много, — шептал я, плавно работая ручкой управления и педалями.

Бетонные плиты стоянки стремительно приближались. Слева мы уже поравнялись с высоченным килем Ил-76. Что этот самолёт делал на магистральной с открытым грузовым люком, понятия не имею. Я чуть взял ручку на себя, гася скорость. Вертолёт медленно задрал нос. До бетонной поверхности осталось совсем немного.

— Шасси выпущено, — доложил я.

— Подходим… подходим, — проговаривал Лёша, пока я аккуратно смещался вправо от Ил-76.

И тут мягко, почти нежно колёса коснулись нагретого бетона.

— Есть касание, — выдохнул я, чувствуя, как вертолёт уверенно стоит на стоянке.

— 317-й, выключение. С прибытием, — ответил нам руководитель полётами.

— Спасибо за управление.

Только я перекрыл стоп-краны, как начали останавливаться двигатели.

Свист турбин затихал, переходя в низкий гул, а затем и вовсе прекратился. Лопасти ещё лениво проворачивались по инерции, а затем остановились.

В этот момент я открыл дверь кабины, впуская внутрь запах керосина, разогретого бетона и моря. Через блистер я видел, как поднимая вихри пыли, на полосу заходил ещё один Ил-76. Тяжёлая машина коснулась земли, пустив сизый дым из-под шасси. На его киле, ярко освещённом утренним солнцем, я отчётливо увидел советский флаг.

Как и на тех бортах, которые стояли недалеко от нашей стоянки. Я медленно отстегнулся и снял шлем.

Голова немного гудела, а по лицу катился пот, попадая в глаза. Подшлемник был мокрый. Только сейчас, когда винты встали, я почувствовал, как напряжение, державшее в тонусе последние полтора часа, начало отпускать.

В это время Ил-76, срулив с полосы, порулил к дальним стоянкам. Там стояли ещё два гиганта Ан-22 «Антей» и ещё три «Илюшина», из которых выгружался личный состав в полной экипировке и колёсная техника.

— Сан Саныч, с прибытием, — услышал я справа от себя голос Паши Иванова, старшего группы техников моего полка.

— Благодарю. Надо вылезать, — ответил я, спускаясь на бетон.

К вертолёту уже шли техники. И глаза у всех были «по пять копеек». Столь резкое увеличение численности наших войск на базе никого равнодушным не оставило.

— Сан Саныч, ну что там? Правда, что морская пехота высадилась? — спросил один из техников, едва подбежав.

— Тут такое творится, эфир разрывается! Там много кораблей?

— Куда уже ударили, было видно?

— А на Тбилиси пойдут?

— Американцев не видели?

Я улыбнулся, заслушав вопросы.

— Что с Бесланом и его оператором? — поинтересовался я.

Любая грубая посадка — это огромная нагрузка для организма.

— Всё хорошо. В санчасть новый комэска с оператором пошли. Сан Саныч, ну уважь нас. Ответь, что там происходит? — не унимался Паша Иванов.

На каждый из вопросов пришлось коротко ответить.

— Грузины встали. Сейчас наши держат трассу и занимают объекты вдоль побережья, — кивнул я одному из техников.

— Ох, ё-моё. А мы думали, всё, хана нам тут без топлива и снарядов, — выдохнул он, глядя на меня с каким-то благоговением.

Я кивнул, но сам смотрел не на техника, а в сторону стоянки «транспортников».

Из одного «Антея» выезжала самоходка «Нона-С». Из соседнего Ил-76 быстро вышли ровные колонны десантников, выстраиваясь рядом с самолётом.

Я дождался, когда вылезет Алексей, чтобы пойти и привести себя в порядок. Уверен, что вскоре меня вызовут в штаб, чтобы всё доложить.

— Саныч, я удивлён, что вас сразу никуда не позвали. У нас же все доклады «быстрее, скорее, ещё вчера»… — улыбался Яковлев, но тут же прервался.

К нам подбежал ефрейтор и вытянулся в струнку.

— Товарищ подполковник, в 17.00 вас ожидают в штабе. Прибыл командующий… эм… в общем командующий ОГВ ПМП в Абхазской АССР. Он в звании генерал-полковника. Фамилия Ванилин.

Какой-то набор букв должности этого генерала, который я не сразу смог расшифровать.

— Спасибо. Передай, что я приду.

Ефрейтор опешил, но сказал «Есть».

— Товарищ подполковник, мне так и…

— Только не вздумай передать, что приду. Сюрприз сделаю, — улыбнулся я, и ефрейтор немного расслабился.

Когда мы дошли до санчасти, то Беслана и его оператора там уже не было. Врачи объяснили, что комэска ни на что не жаловался и убыл.

В казарме я быстро сдал оружие и направился в санузел. В умывальнике пахло хлоркой и сыростью. Напор в кране был слабым.

Я несколько раз ополоснул лицо, смывая пот, и протёр шею. В это время на пороге умывальника появился и Беслан.

Выглядел он… по-другому. Брови и ресницы исчезли. Комбез на правом боку изодран, и сквозь дыры виднелась кожа, измазанная чем-то бурым. А ещё от него несло гарью так, что перехватывало дыхание.

— Ты как, дружище? — спросил я, протягивая ему мыльницу с мылом.

Он попытался улыбнуться, но сразу не получилось.

— Да… так.... — ответил Аркаев сиплым голосом.

Он подошёл ближе, снял с себя рваную камуфлированную куртку лётного комбинезона и начал умываться у соседнего крана.

— Сами не поняли что произошло. Как об землю шмякнулись, думал позвоночник треснет. Сразу полыхнуло, жаром в кабину дало. А мне казалось, что не горелым запахло, а землёй сырой.

Беслан несколько раз умылся и подставил голову под струю холодной воды. Как-то с его приходом напор пошёл лучше.

— Оператор как?

— Нормально. Он… короче стакан я ему налил. Трижды. Сейчас в кабинете эскадрильском лежит и спит.

Беслан тяжело вздохнул, убирая голову из-под крана. Мы закончили «помывку» и начали вытираться.

Через минуту Аркаев доставал из кармана мятую пачку «Мальборо» и вытащил одну сигарету.

— Короче, кому я рассказываю, Сан Саныч. Ты лучше меня знаешь, что жить захочешь, не так раскорячишься. Вот, у меня две осталось. Будешь? — предложил он мне сигарету.

— Не-а, дружище. На память оставь.

— Тоже верно, — улыбнулся Беслан.

Он закурил и кивнул в сторону окна. Там продолжали выстраиваться десантники перед погрузкой на бронетехнику. Только группа формировалась, как они тут же запрыгивали в грузовики и выдвигались в направлении КПП.

— В Москве наконец проснулись? Я пока шёл, глазам не верил. Флаги советские, техника, десантники как на подбор…

— Думаю, что решили последовать известному принципу про доброе слово, — улыбнулся я.

Беслан замер с сигаретой во рту, глядя на меня. Потом медленно выдохнул дым в потолок.

— Но, согласись, что это работает лучше, — кивнул Беслан, и мы с ним вышли из умывальника.

Войдя в спальное расположение, я увидел как люди столпились рядом с большим экраном телевизора «Горизонт». На одной из программ уже шло выступление президента СССР Русова.

— Решение было взвешенным и принималось Верховным Советом по согласованию со мной. Ввод ограниченной группы войск для поддержания мира и правопорядка в Абхазской АССР был безальтернативен…

Кто-то из собравшихся рядом с телевизором беженцев зацокал языком, а некоторые встретили это сообщение со слезами.

— Советский Союз исторически был и останется гарантом безопасности народов Кавказа. Сейчас в Абхазии гибнут мирные люди, женщины, дети, старики, и большинство из них — это граждане Советского Союза. Иначе было нельзя… — отвечал Русов одному из журналистов.

Такое ощущение, что Григорий Михайлович слегка оправдывался. Похоже его смутил вопрос, который задала западная журналистка.

Я понял, что теперь всё официально. Это уже не секретная операция, а официальное вступление советских войск в Абхазию. Теперь получается, что мы имеем небольшие воинские контингенты в Афганистане, Сирии, Сербии и Абхазии, которая как бы не Советский Союз уже.

После того как я переоделся в чистый песочный комбинезон, решил пойти и попробовать позвонить в Дежинск. Время было ещё рабочее, так что Тося скорее всего в санчасти.

Узел связи располагался в пристройке к штабу. Здесь царил особый мир - гул трансформаторов, писк морзянки, запах канифоли.

Я заглянул в аппаратную, где сидела знакомая телефонистка Мария.

— Сан Саныч, дорогой. Что случилось? — спросила она.

Я не стал откладывать дело в долгий ящик и выложил перед девушкой плитку шоколада «Люкс».

— Выручайте. Надо созвониться с домом. А то супруга телевизор однозначно уже посмотрела.

Мария кивнула, взяла шоколадку и придвинула мне телефонный аппарат.

— Сан Саныч, вот ты не скупердяй. А то некоторые принесут лётных шоколадок из столовой, и всё. А у тебя есть вкус, — улыбнулась Мария.

Я снял трубку и начал постепенно переходить от одного узла связи к другому, называя их позывные. В трубке характерно щёлкало, шуршало, и вот я подошёл уже вплотную к узлу связи Дежинска.

— Девушка, добрый день! Это «Баретор»? — спросил я, называя позывной узла связи своего полка.

— Да, верно.

— Подполковник Клюковкин. Передайте, что…

— Ой! Вы там как?! Как там наши? — заволновалась телефонистка.

— Всё хорошо. Всем дома привет. Все живы и здоровы.

— Да… Есть, товарищ подполковник. Вас на медпункт, наверное. Соединяю, — обрадовалась девушка.

Потянулись секунды ожидания. Я слышал, как там, за тысячи километров, идут длинные гудки.

— Медпункт, прапорщик Клюковкина, — раздался наконец родной голос.

— Привет, дорогая.

— Саша. Ой, хорошо, что позвонил. Ты там… — её голос сразу взлетел вверх, полный радости.

— Тось, всё нормально. Работы много, летаем.

— Саш, тут телевизор не выключается. Только про Абхазию и говорят с утра. Я уж и заволновалась. Хоть не смотри телевизор. Мне ведь известно, какие могут быть… операции.

Она выдохнула, пока я ей говорил, что всё хорошо.

— Как там «пузожитель»? — улыбнулся я.

— Пузожитель твой характер показывает. Уже начинает шевелиться. Особенно когда новости смотрю. Чувствует, наверное папку.

— Не волнуйся. Вот закончим тут, и сразу на борт. Ты главное не нервничай. Тебе нельзя.

— Я стараюсь, Саш. Только ты береги себя, ладно? Не лезь на рожон.

— Я помню, Тось. Я очень хорошо это помню. Дорогая, всё, пора мне! Целую!

— Люблю! — сказала Тося, и я повесил трубку.

Связь оборвалась. Я положил тяжёлую трубку на аппарат. Посидел несколько секунд и представил, как там в Дежинске сидит моя Тося в белом халате, гладит живот и ждёт.

— Спасибо, Мария.

— Домой вам надо, Сан Саныч. К жене, — тихо сказала она.

Я кивнул и вышел в коридор. И именно в этот момент мы чуть не столкнулись с помощником Гаранина - подполковником Шестаковым.

Он был гладко выбрит. Только глаза выдавали дикую усталость. Кирилл крепко, по-мужски сжал мою руку.

— С возвращением, Саня. Хорошо отработали. Тебя уже ждут. В кабинете. Ну, ты понял, в каком.

— Понял. Ты ведь тоже туда?

— Ага.

— Ну тогда идём. Заодно расскажешь, как так получилось, что было принято столь серьёзное решение.

Через пару минут мы вышли из узла связи и вошли в штаб.

— Ночью тревога прошла. Подняли три батальона десантуры и два батальона морской пехоты. Ну и осуществили переброску.

— Москва дала добро? — уточнил я.

— Дала. Не знаю как Русов подписал директиву. Вроде как он был против, но председатель Верховного Совета уговорил. Но теперь данную военную кампанию назвали красиво — «Операция по поддержанию мира и правопорядка».

— Оригинально. Только сначала мир нужно установить, а потом поддерживать.

— Именно. Новый термин осваиваем, — кивнул Шестаков, на ходу отвечая на приветствие какого-то капитана. — Задача поставлена жёсткая. Необходимо в течение двух суток взять под контроль ключевые населённые пункты и транспортные узлы. Обеспечить коридоры для гуманитарных колонн с продовольствием и медикаментами.

— А грузинскую сторону в очередной раз призвать к переговорам и прекращению огня.

Кирилл аккуратно просочился между снующими связистами и офицерами штаба.

— Технически, да. Только теперь у нас аргументы повесомее, чем просто озабоченность МИДа.

Мы подошли к массивной двери в конце коридора. Поверх старой обшарпанной вывески, была прибита свежая табличка: «Командующий оперативной группой войск по поддержанию мира и правопорядка».

— Уже успели повесить, — указал я на табличку.

— Теперь мы — официальная сила. Заходи.

Глава 2

Шестаков открыл передо мной дверь, и я шагнул в кабинет, где до сегодняшнего дня работал он и генерал-лейтенант Гаранин. Сергея Викторовича сюда присылали, чтобы контролировать обстановку. Теперь же она полностью изменилась.

— Через 15 минут. Жду, — услышал я с порога строгий голос и последовавший за ним стук телефонной трубки.

В кабинете командующего царила рабочая атмосфера. В комнате находились четверо. Двое из них одновременно говорили по телефонам, прижимая трубки плечами к ушам и что-то помечая в картах и блокнотах.

— Эт кто такой? — шепнул один из неизвестных мне офицеров в звании полковника, кивая в мою сторону.

Одет он был в камуфлированную форму так называемой расцветки «чешка». А ещё на левом рукаве был виден шеврон с советским гербом. Такую форму я что-то не припомню в советских вооружённых силах, особенно с шевроном. Видимо, на какой-то из выставок решили, что нужно всех «переодевать». Начали с полковников.

— Клюковкин, — в ответ тихо сказал Кирилл, и полковник сжал губы.

Однако в его взгляде проскользнула нотка уважения. А потом он вовсе показал мне поднятый вверх большой палец.

— Что значит, нет информации о занятии дороги на Ткварчели? Мне неважно, Ткуарчал или Ткварчели. Доклад о взятии под контроль. Мы ждём, — говорил по телефону второй полковник, отмечая что-то в большой тетради.

Генерал Гаранин сидел справа за приставным столом. Вид у представителя Главного управления Генерального штаба был измотанный. Под его глазами залегли тёмные круги, а на лице уже отчётливо была видна щетина. Он повесил трубку и коротко кивнул мне.

— Сейчас. Жди, — шепнул он.

Тут я и остановил свой взгляд на главном действующем лице в кабинете. Во главе массивного Т-образного стола восседал генерал-полковник Ванилин.

— Да, я знаю. Так точно, товарищ генерал армии, берём под контроль. Да, огонь открывать только в ответ на действия группировок, — говорил Ванилин с кем-то из руководства по телефону.

Его взгляд скользнул по Шестакову, задержался на Гаранине и, наконец, впился в меня. Я прям ощутил этот рентген. Не в первый раз меня вот так пытаются «прожигать» взглядом.

Ванилин был худощавым, с высоким лбом и аккуратно зачёсанными назад тёмными волосами. На носу очки в тонкой золотой оправе, которые он то и дело поправлял указательным пальцем. Он был в полевой форме расцветки «Бутан». Перед ним лежала идеальная стопка документов и двухцветный чешский карандаш, которым он водил по разложенной карте.

— Я понимаю. Есть, — ответил командующий и закончил разговор по телефону.

Он аккуратно, без стука положил трубку на рычаг аппарата связи и поднял на меня взгляд. Не был этот человек похож на тех боевых генералов, которых обычно представляют в должности командующего.

Мне показалось, что Ванилин предпочёл бы партию в шахматы, чем находиться в одной из самых горячих точек мира на данный момент.

— Я слушаю вас, товарищи офицеры, — спокойно сказал генерал-полковник, почёсывая переносицу.

— Товарищ генерал-полковник, подполковник Клюковкин по вашему приказанию прибыл, — доложил я.

Двое полковников тут же отложили в сторону тетради и снимки. Практически синхронно они повернули головы в мою сторону, сканируя меня взглядами. Гаранин откинулся на спинку стула и прикрыл рот, подавив зевок.

— Вольно, подполковник, — голос у Ванилина оказался мягким, тихим, но с тем особым тембром, который заставляет прислушиваться.

Ванилин встал со своего места и поправил форму.

— Наслышан о ваших сегодняшних… и не только сегодняшних успехах. Сергей Викторович утверждает, что вы опытнейший специалист, который на деле подтверждает свой статус.

— Это моя работа, товарищ командующий, — ответил я.

Ванилин едва заметно поморщился, словно я слишком громко ответил на его слова. Он снял очки и начал протирать их клетчатым платком.

— Клюковкин, Клюковкин… Сан Саныч, значит. Ну, давай, докладывай про ваши действия в районе высадки морского десанта. Только коротко, а то у нас и у тебя ещё много работы.

Я и не надеялся, что сегодня же мою командировку приостановят. Подойдя к карте, разложенной на столе, я достал из кармана шариковую ручку, чтобы использовать её в качестве указки.

— Группа десанта высажена в заданном районе. Согласно целеуказанию авианаводчика абхазов были нанесены удары по скоплениям бронетехники и комплексу «Тунгуска»… — показал я точку, где ориентировочно находился ЗРПК.

— Вы уверены, что это была именно «Тунгуска»? Это могла быть и «Шилка». А может и вовсе макет, — прервал меня один из полковников.

В его голосе прозвучала нотка недоверия. Я поднял взгляд на Ванилина, чтобы получить от него разрешение на ответ.

— Можете ответить. И я послушаю, — кивнул командующий.

— Знаете, товарищ полковник, макеты так не взрываются, — ответил я.

— Откуда вам знать? Вы же ведь из учебного полка, — прищурился этот полковник, взглянув на меня уж слишком надменно.

— В моей компетенции можете не сомневаться. А если вас что-то не устраивает, я готов вас лично отвезти на место, и вы посмотрите, что осталось от… как вы сказали, «макета».

Гаранин тут же недовольно зыркнул на полковника, и тот успокоился.

— Продолжайте, Александр Александрович, — сказал Ванилин.

— Нанесли удар с использованием НАРов и управляемых ракет. Цели поражены. По докладу авианаводчика уничтожены или выведены из строя. Далее были замечены колонны противника, выдвигавшиеся с трёх направлений.

Я продолжил рассказывать ещё в течение минуты. Слишком короткий доклад не вышел, но я старался изложить исключительно все основные моменты.

— Вертолёт ведущего второй пары Ми-24 получил повреждение и совершил вынужденную посадку. Экипаж был эвакуирован.

В кабинете повисла пауза. Слышно было только, как тяжело сопит Ванилин и тихо гудит кондиционер БК-1500.

Генерал-полковник перевёл взгляд с карты на меня и вновь надел очки.

— Задача выполнена… — медленно повторил он, барабаня пальцами по столу.

Он резко поднял глаза на меня.

— Вы мне вот что скажите, подполковник. У вас, насколько я понял, топливо было на исходе.

— Да, лампочки горели.

— Вот! И у ведомых твоих тоже. Вы втроём могли угробить сразу три боевых машины. Сами могли убиться или попасть в плен в конце концов. Кто вам давал право рисковать мате-

риальной частью при критическом остатке топлива? Какая-то партизанщина, — возмутился Ванилин, но голос не повышал.

Я посмотрел на Гаранина, а затем и на командующего. Суть претензий я вообще не понял. Такое ощущение, что командование совсем не готово рисковать.

— То есть, мне нужно было улететь, оставив высаженный десант без прикрытия? — спросил я.

— Вопрос риторический, подполковник Клюковкин. На подходе уже была авиация с «Ульяновска», и вот-вот должны были высадиться основные силы на берег, — ответил мне Ванилин.

— Только мы об этом не знали, товарищ командующий. Вся ведь операция была секретная, так? — спросил я.

Ванилин глубоко вдохнул и выдохнул.

— Обстановка, подполковник, требует от нас гибкости. Мы здесь, чтобы остановить кровопролитие, а не умножать его размах, — произнёс командующий и подошёл ко мне ближе.

Оказавшись со мной лицом к лицу, он навис словно скала. Я смог разглядеть каждую пору на коже его лица. А также отметить для себя, как в этот самый момент у него по виску стекает капля пота.

— Что можете ещё сказать, Александр Александрович?

— Если бы ситуация повторилась и рядом бы не оказалось других экипажей, мы с ведомыми поступили бы так же.

Ванилин надул щёки и глубоко вздохнул. Я ожидал чего угодно сейчас — разноса, мата, может, даже благодарности сквозь зубы.

Но он просто смотрел мне в глаза, задерживая дыхание. Возможно, он так успокаивался.

— За выполнение боевой задачи представлю к награде. А за нарушение лётных инструкций и неуставной внешний вид, я ещё подумаю, награждать или нет, — указал командующий на мой комбинезон.

Видимо, его не устроило, что на мне песочный комбез, а не штатной расцветки «бутан». Может и десантная тельняшка под курткой комбинезона его смутила.

Ванилин резко развернулся и пошёл обратно к своему креслу, не глядя в мою сторону.

— А теперь к делу. У нас для вас есть персональное задание. Я бы сказал деликатное.

Гаранин, услышав это, помрачнел ещё больше и отвёл взгляд. Ванилин же посмотрел на Сергея Викторовича и предоставил ему право поставить мне задачу.

Генерал Гаранин прокашлялся и повернулся ко мне.

— Мы вышли на контакт с командованием войск госсовета Грузии. Договорённость хрупкая, но это лучше, чем мы бы сейчас решали этот вопрос силой. Необходимо произвести обмен пленными, а заодно и забрать тела нескольких погибших... наших людей.

— Среди них есть тела Завиди и его оператора? — сразу спросил я.

— Да. Но нам необходимо ещё и вывезти представителя Абхазии. Это очень важный человек для республики, поэтому абхазы готовы на многое, чтобы вытащить его. Это заместитель председателя Совета Министров Абхазской АССР.

Серьёзного человека смогли взять грузинские войска. Как он только к ним попал, непонятно.

— Понял. А кого везти на обмен? — спросил я.

Гаранин выдохнул, сложил руки на груди и откинулся назад на стуле.

— У абхазов в госпитале, под усиленной охраной, находится полковник Муртаз Кочакидзе.

Я почувствовал, как у меня сжались кулаки. Это тот самый грузинский полковник, который приходил к Гоги незадолго до войны. Похоже, что именно он нанёс удар по пляжу в первый день конфликта, а несколько дней назад сбил Завиди, когда мы летели из Ткуарчала.

— Я вижу, что фамилия вам знакома, — кивнул Ванилин, заметив мою реакцию.

— Да. Пересекался с данным человеком.

— Грузинская сторона крайне заинтересована в его возвращении. Он, скажем так, фигура знаковая для них. Герой нации, приближённый министра обороны и любимец товарища Шеварнадзе. Они требуют его живым, — объяснил Гаранин.

Как по мне, то за тела наших павших товарищей мне и взвода пленных грузинских военных не жалко.

В этот момент один из полковников дёрнулся, собираясь что-то сказать, но Ванилин остановил его жестом руки.

— Мы отдаём им сбитого лётчика, заместителя главкома ВВС. Может быть уже и главкома. Вы понимаете, что это серьёзная фигура? — спросил Ванилин.

— Так точно. Где будет проходить обмен?

Гаранин взял шариковую ручку и показал на карте точку. Я присмотрелся и узнал это место. Недалеко от этой деревни и был сбит Гоги.

— Это Кодорское ущелье. Район села Лата. Нам передадут представителя законного правительства Абхазии, которого удерживали в заложниках почти месяц. Это политическая необходимость. Ну и я думаю, ты понимаешь сложность условий в тех местах.

Я кивнул, понимая, о чём говорит Сергей Викторович. В Кодорском ущелье много сложных площадок для посадки.

— Ну, и почему именно полетите вы, Сан Саныч... Гражданин Кочакидзе должен быть предоставлен грузинской стороне в полной комплектности — две руки, две ноги, два глаза. И никакого рукоприкладства на борту. Я знаю, что он вам совсем несимпатичен, но полковник Кочакидзе должен быть в порядке. Сергей Викторович утверждает, что только вы из всего личного состава 215-й вертолётной эскадрильи сможете сдержаться, глядя в глаза Кочакидзе, и не выбросить его за борт на высоте в полкилометра.

Я посмотрел на Гаранина. Генерал смотрел на меня с какой-то немой просьбой не отказываться от выполнения задачи.

— Задача ясна. Когда вылет?

— Через час. Кочакидзе уже готовят к транспортировке. С вами пойдёт группа прикрытия во главе с подполковником Шестаковым для обеспечения безопасности на земле. Экипаж определите совместно с командиром эскадрильи, — сказал Ванилин и встал, давая понять, что разговор окончен.

— Разрешите идти? — спросил я.

— Да. Удачи.

Я развернулся через левое плечо и направился к выходу вместе с Кириллом Шестаковым.

— И помните, подполковник. Я не сторонник жёстких мер без крайней необходимости. Мы должны показать, что Советская Армия — дисциплинированная сила. Излишних решительных действий быть не должно. Срыв обмена недопустим.

Я кивнул и вышел из кабинета.

В коридоре я с шумом выдохнул, когда меня остановил Кирилл.

— Ну и обстановка, — пробормотал он.

Шестаков шёл рядом, потирая подбородок. Лицо у него стало мрачным, даже злым. Он остановился, огляделся по сторонам и, понизив голос, добавил:

— Постой, а Кочакидзе и Завиди ведь были же однокашники. В одном училище. Наверняка в одной эскадрилье курсантами летали.

Шестаков посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было жалости, только жестокая констатация факта.

— Были, Кирилл, были. А теперь вот как вышло. Такая вот, гражданская война. Брат на брата, однокашник на однокашника, — кивнул я и мы направились к выходу из штаба.

Через час мы с Бесланом и бортовым техником Серёгой Масленниковым стояли у борта нашей «восьмёрки». Вертолёт подготовили к вылету по «мирному» варианту.

Всё вооружение было снято. Блоки Б-8В20 и контейнеры ГУВ лежали в стороне от вертолёта до лучших времён. На пилонах остались только балочные держатели. Пока мы ожидали прибытия нашего «пассажира» Серёга продолжал готовить борт, протирая блистеры.

Пока я ходил рядом с вертолётом, Беслан проверял, как на нём сидит «разгрузка», и хмуро поглядывал на пустые пилоны.

Рядом заканчивала погрузку группа прикрытия из состава отдельного десантного батальона. Шестеро бойцов во главе с Шестаковым выстроились в шеренгу и заслушивали последние указания Кирилла.

Сам Шестаков надел камуфлированную форму расцветки «берёзка», разгрузочный жилет «Пояс-А», а на плече висел укороченный автомат АКС-74У. Один из десантников в звании сержанта лично проверил снаряжение у каждого.

— Саныч, транспорт, — коротко бросил Беслан, кивнув в сторону КПП.

К стоянке, не превышая скорости, подъехала колонна из трёх автомобилей. Впереди и сзади шли белые ВАЗ-2106, а в центре — чёрная «Волга» ГАЗ-24. Машины остановились в десяти метрах от вертолёта.

Из «Жигулей» вышли восемь человек. Одеты в разношёрстную форму: кто-то в «афганке», кто-то в гражданской одежде. Вооружение — автоматы АК-74 и АКМ, стволы опущены вниз, пальцы на скобах, а не на спусковых крючках.

Двери «Волги» открылись, и оттуда вышел седой мужчина в гражданском костюме. За ним двое бойцов вывели Муртаза Кочакидзе.

Грузинский полковник выглядел скверно. На нём был грязный, местами порванный лётный комбинезон серо-голубого цвета без знаков различия. Голова туго перебинтована, сквозь бинты на темени проступало пятно крови. Левая щека заклеена широким медицинским пластырем, под которым угадывалась сильная отёчность. Правый глаз заплыл гематомой, а левый смотрел настороженно. Руки ему не связывали, но конвоиры держали его плотно за локти.

Седой мужчина подошёл ко мне.

— Подполковник Клюковкин? — спросил он с сильным акцентом.

— Так точно.

— Я Адгур, уполномоченный от Комитета обороны Абхазии. Вот ваш груз - полковник Кочакидзе. Состояние стабильное, врач осмотрел. Жалоб на содержание не зафиксировано.

Он говорил сухо и официально. Никакой ненависти, только деловой подход. Они понимали цену этого человека.

— Мы отдаём его в обмен на нашего представителя, и тела погибших. Это честный обмен. Мы слово держим. Надеемся, грузинские офицеры тоже, — продолжил Адгур, глядя мне в глаза.

— Мы своё дело сделаем, — ответил я. — Товарищ подполковник, принимайте.

Десантники подошли к Кочакидзе. Один из бойцов быстро обыскал его, проверил карманы комбинезона, после чего кивнул командиру. Двое бойцов тут же подхватили грузинского полковника под руки и повели к вертолёту. Тот шёл молча, слегка прихрамывая на правую ногу.

Проходя мимо меня, Кочакидзе на секунду остановился. Встретился со мной взглядом. В его единственном открытом глазу читалось, что он узнал меня. Я тоже промолчал.

— Груз на борту, — доложил бортач Серёга, когда полковника усадили на скамью и пристегнули.

Адгур протянул мне руку.

— Удачи, командир. В горах сейчас туман падает. Аккуратнее в ущелье.

Я пожал сухую ладонь абхаза.

— Спасибо.

Глава 3

Беслан первым забрался в грузовую кабину и остановился. Застыв рядом со входом в кабину экипажа, он внимательно смотрел, как Кирилл Шестаков «инструктировал» гражданина Кочакидзе.

— Вам грозит большой срок по законам Советского Союза. И поверьте, будь моя воля, вы бы никогда не оказались в этом вертолёте на обмен. Для вас здесь бы нашли другое место. Размером два на один метр и глубиной в полметра.

Я остановился на первой ступеньке перед грузовой кабиной и замер на пороге. Беслан глубоко дышал, не отрываясь от Кочакидзе. Такое ощущение, что он его сейчас бы забил до смерти голыми руками.

Шестаков продолжал доводить официальную информацию до Муртаза, поглядывая на представителя абхазской стороны. Тот сидел рядом с ним, скрестив руки на груди. Это был коренастый мужчина лет сорока по имени Валерий. Помимо сопровождения Кочакидзе, он летел с нами для подтверждения личности передаваемого нам абхаза.

Шестаков говорил негромко, но каждое его слово чётко отпечатывалось в сознании. Он не кричал, не брызгал слюной.

— И не думайте, гражданин Кочакидзе, что если вас меняют, то всё забыто. Мы всё помним. И папки в архиве никуда не денутся.

Кочакидзе сидел прямо, глядя перед собой единственным здоровым глазом. Взгляд его был пуст, но желваки на скулах выдавали напряжение.

— У вас что-то будет? — спросил Кирилл у абхазского представителя.

— Нет. С человеком, у которого нет чести, разговаривать нет смысла.

Шестаков выпрямился, поправляя разгрузку.

— По совокупности этих статей, гражданин Кочакидзе, вам светит высшая мера. И то, что сейчас политики договорились об обмене, не отменяет того, что вы — военный преступник. Так что живите с этим, если сможете.

Кочакидзе фыркнул, готовясь ответить на эти слова.

— Смогу, товарищ Шестаков. И буду жить, — тяжело произнёс Муртаз, причмокнув губами.

Я увидел, как рука Беслана слегка дёрнулась к жилету НАЗ-И, надетому им в этом полёт. Мне пришлось ускориться, чтобы войти в грузовую кабину и слегка подтолкнуть Аркаева к нашим рабочим местам. А то мы так точно приведём приговор Кочакидзе в исполнение.

Кочакидзе медленно повернулся ко мне. Его взгляд встретился с моим, а потом скользнул по спине Беслана, который уже скрывался в кабине экипажа. Во взгляде Муртаза не было раскаяния. Только звериная усталость и холодная злость загнанного волка, которому вдруг открыли клетку.

Кирилл повернулся к нам, словно сбрасывая с себя наваждение.

— Сан Саныч, инструктаж «груза» закончен.

— Понял. Запускаемся, — коротко бросил я, чувствуя, как у самого внутри всё клокочет от услышанного.

Мы с Бесланом заняли свои рабочие места. Кабина «восьмёрки» встретила привычным запахом нагретых поверхностей и брезента, который сняли совсем недавно с блистера.

Я надел гарнитуру и пристыковал «фишку». Краем глаза я наблюдал за моим сегодняшним лётчиком-штурманом Бесланом. Он обычно спокойный и собранный перед вылетом, но не сегодня. Ещё утром у нас был напряжённый вылет, а сейчас задача не менее ответственная.

Аркаев ёрзал в кресле, то и дело поправляя жилет НАЗ-И. Его правая рука раз за разом непроизвольно касалась пистолета в специальном кармане слева. Он нервно барабанил паль-

цами по клапану, словно проверяя, на месте ли АПС. Желваки на скулах ходили ходуном, а взгляд был расфокусированным, устремлённым куда-то сквозь приборную доску.

Бортовой техник Серёга Масленников сел на своё место и тоже надел гарнитуру.

— Готовность к запуску, — запросил я, нажимая кнопку СПУ для выхода на внутреннюю связь.

— К запуску готов. АЗСы включены, — доложил Сергей.

Беслан ответил следом.

— Запуск АИ-9В, — скомандовал я.

Серёга нажал кнопку запуска вспомогательной силовой установки. Наверху за нашими спинами, послышался нарастающий свист разгоняющейся вспомогательной силовой установки. В кабине появился характерный гул, от которого слегка закладывало уши даже через наушники гарнитуры.

— Обороты, температура, давление в норме, — прокомментировал Маслеников, не отрывая глаз от приборов контроля.

— Ветер штиль. Запуск левого. От винтов!

— Есть от винтов, — ответил Сергей и нажал кнопку запуска двигателя.

По корпусу вертолёта прошла мелкая дрожь. На панели запуска загорелись табло «Автомат включён» и «Стартер работает». Лопасти несущего винта начали свой разбег. Гул двигателей начал нарастать, перекрывая свист вспомогательной силовой установки. Вибрация усилилась, становясь привычной, рабочей дрожью машины.

В этот момент я заметил, что Беслан не смотрит на приборы контроля двигателей. Он повернул голову влево и назад, глядя через плечо бортового техника в грузовую кабину. Туда, где сидел Кочакидзе.

Взгляд у Аркаева был тяжёлый. В нём читалась дикая смесь ненависти и боли. Казалось, он сейчас расстегнёт привязной ремень, достанет пистолет и выстрелит в нашего «пассажира».

Следом запустили и правый двигатель. Винт набрал обороты, сливаясь в прозрачный диск над головой.

— Командир, я на осмотр, — доложил Серёга, нырнул в грузовую кабину, а затем на улицу, чтобы проверить отсутствие течи и посторонних предметов.

Шум в кабине стал ровным и монотонным. Мы остались с Бесланом одни.

— Дружище, убери руку от ствола, — позвал я Аркаева по внутренней связи.

Он вздрогнул и резко повернулся ко мне. Глаза у него блестели лихорадочным блеском.

— Саныч, ведь эта тварь сидит здесь. Живой и дышит. А комэска сгорел. И ещё много кого нет в живых из-за этой сволочи. Была б моя воля, я бы развернулся, зашёл туда и всадил бы в него всю обойму. Прямо в эту забинтованную башку.

Он с силой сжал кулак, да так что кожа на костяшках побелела.

— Никто бы и слова не сказал. Списали бы на попытку побега или нападение.

Я посмотрел на него строго.

— Это самый простой способ, Беслан. Слишком простой.

— Зато справедливый! — выплюнул он.

— Нет, это самосуд. Чем ты тогда будешь отличаться от него и других бандюг, которые сейчас на абхазской земле? От тех, кто бил по пляжу, Ткуарчалу и другим городам? От тех, кто расстреливал гражданских? У них нет ни чести, ни совести. С помощью него живого, мы можем обменять человека. А мёртвый, он грузинам будет уже не нужен.

Я наклонился ближе к нему, насколько позволяли ремни.

— Мы — офицеры Советской Армии, Беслан. А не бандиты с большой дороги.

Аркаев молчал, тяжело дыша. Он снова посмотрел назад в грузовую кабину, а потом на свою руку, лежащую на кобуре. Медленно он убрал ладонь с жилета и положил её на колено рядом с планшетом, крепко сжав ремешок НПЛ.

— Понял, Саныч, — глухо ответил Беслан, глядя прямо перед собой вдаль на взлётную полосу.

Серёга вернулся в кабину и доложил о готовности к взлёту.

— Лачуга, 317-й, карту выполнил, вырулить на магистральную для контрольного висения, — запросил я разрешение у руководителя полётами.

— Разрешил, 317-й.

Я растормозил колёса и вырулил на главную рулёжку. Остановившись и выровняв вертолёт, плавно потянул рычаг шаг-газ вверх. Машина, чуть качнувшись, послушно оторвалась от бетона. Зависнув на паре метров, я убедился, что двигатели работают ровно, а управление в норме.

— Лачуга, 317-му. Контрольное норма. Взлёт по задаче, — проговорил я в эфир.

— Выполняйте, 317-й.

Отдав ручку управления от себя, я перевёл вертолёт в разгон. Бетонка аэродрома мелькнула в нижнем блистере и ушла назад. Отвернув влево, мы заняли курс в сторону гор, чьи вершины уже были скрыты плотными шапками облаков.

— Лачуга, 317-й, взлёт произвёл. Прошу занять 1500 по заданию, — запросил я набор высоты.

— 317-й, набор 1500, — дал команду руководитель полётами.

Это была согласованная с грузинской стороной высота. О нашем вылете были предупреждены вообще все противоборствующие в Абхазии стороны.

В эфире было оживлённо. На нашей частоте я слышал переговоры истребителей, барражирующих на больших высотах в зонах дежурства.

— Обруч, наблюдаю на 1500 цель. На запрос отвечает, — докладывал чей-то спокойный голос.

Это был оператор с борта самолёта Як-44. Того самого корабельного самолёта дальнего радиолокационного дозора, наведения и управления.

— Принял, Обруч, зону занял, 8500.

Присутствие «старших братьев» всегда приятно и добавляет уверенности. Солнце стояло ещё высоко, заливая кабину ярким светом и бликуя на остеклении.

Если обмен затянется хотя бы на час, возвращаться придётся в сумерках, а то и вовсе ночью. А лететь по ущелью ночью, да и при возможном тумане, да ещё и с возможной угрозой с земли, не самая приятная перспектива.

Минут через сорок полёта рельеф внизу стал ещё более разнообразным.

— Подходим к Кодорскому ущелью, — доложил Беслан, показывая вперёд.

Со стороны кажется, что это ущелье разрезает горный массив надвое. Склоны крутые, а местами почти отвесные. Тёмно-зелёный лес перемежался с серыми пятнами голых скал. На самом дне ущелья узкой нитью блестела река Кодор.

— Места для манёвра мало. Сплошной каменный мешок, — сказал Беслан, когда мы поравнялись с дорогой, которая тянулась по всему ущелью к Кавказскому хребту.

— Место назначения наблюдаешь? — спросил я, осматривая впереди населённые пункты

— Село Лата за тем поворотом реки. Курс 40° занимаем, — направил меня Беслан, и я отклонил ручку управления влево.

Снизившись до высоты 500 метров, я внимательнее рассмотрел под нами жилые постройки. Каменные дома с шиферными крышами лепились прямо к склонам гор. Узкие улочки змеились между дворами.

— Село нашли. Подбираем площадку, — произнёс я, снижаясь к самым крышам и разворачиваясь над населённым пунктом.

Мы сделали круг над Лата, снизившись до ста метров. Странно, но я не увидел ни одного военного грузовика, ни одного человека в форме. Зато на плоских крышах домов и во дворах было полно народу. Местные жители, видимо, услышав гул вертолёта, высыпали на улицы.

— Командир, они машут, — удивлённо сказал Серёга, прильнув к блистеру.

Действительно, люди внизу размахивали руками, кто-то тряпками. А у кого-то я даже видел зелёно-белый с пурпурным квадратом в верхнем углу флаг Абхазии.

Агрессии от местного населения не чувствовалось. Я выполнил разворот с креном 30°, пройдя ещё раз над крышами домов недалеко от реки, чтобы осмотреть окраины.

Никаких засад, никаких замаскированных позиций на первый взгляд. Но это напрягало ещё больше. Тишина и отсутствие военных в зоне боевых действий — признак дурной. Либо они очень хорошо спрятались, либо всё под полным контролем, и они уверены в себе.

— Тут везде уклоны, камни да заборы, — сказал Беслан.

— Вон там, видишь? — кивнул я в сторону реки.

На окраине села, у самой воды, была небольшая, относительно ровная поляна. Похоже, местные использовали её как футбольное поле. Эта версию подтверждалась и двумя воротами по разные стороны поля.

В этом селе это было единственное место, куда можно было втиснуть «восьмёрку» без риска зацепить лопастями скалу или дерево.

— Заходим против ветра. Серёга, десантной группе — готовность минута.

— Понял, — отозвался бортовой техник.

Теперь осталось доложить о нашей посадке.

— Обруч, 317-му, на связь, — запросил я находящийся в воздухе самолёт дальнего радиолокационного дозора, наведения и управления.

— Ответил, 317-й.

— 317-й, на Лачугу передайте. Прибыли в конечный пункт маршрута. Заходим на посадку, — передал я информацию.

— Понял, передадим, 317-й.

Далее мы выполнили проход над площадкой, чтобы Беслан определил ветер.

— Отворот на курс 110°, — объявил Аркаев.

— Понял. Пошли вправо, — ответил я и энергично отклонил ручку управления в указанную сторону.

В процессе разворота мы снизились, а на прямой перед площадкой начали гасить скорость. Вертолёт начал проваливаться вниз, в каменный мешок ущелья.

— Наблюдаю площадку. Садимся, — прокомментировал я свои действия, плавно работая ручкой управления и педалями.

Вертолёт послушно замедлился, постепенно приближаясь к краю площадки.

— Высота тридцать, — докладывал Серёга, чей голос в наушниках был чётким и без эмоций.

— Справа чисто, — доложил Беслан, не отрываясь от бокового стекла.

— Высота пятнадцать.

Как только мы снизились до десяти метров, мир вокруг исчез. Мощный поток воздуха от винта поднял с земли тучу пыли, песка и мелких камней. Видимость мгновенно упала почти до нуля. Коричневая пелена заволокла остекление, и только смутные контуры земли угадывались внизу. Вертолёт слегка качнуло порывом ветра, но я успел парировать это отклонение коротким движением ручки управления.

— Высота пять. И… сели!

Касание колёс о грунт было мягким. Я сразу же опустил рычаг шаг-газ, прижимая вертолёт к земле, чтобы он не запрыгал на неровностях.

— Посадка, — объявил я и показал Серёге на грузовую кабину.

Машина чуть качнулась и замерла. Пыль всё ещё бушевала вокруг, барабаня по обшивке песчинками.

— Передай парням, чтоб никто из местных близко к вертолёту не подходил. Кто его знает, какие у кого здесь намерения, — крикнул я Серёге вдогонку.

Бортовой техник снял наушники, метнулся в грузовую кабину и сдвинул боковую дверь. Сквозь шум двигателей я услышал топот. Десантники спрыгивали с вертолёта, мгновенно растворяясь в пыльном облаке. Они разбегались веером, занимая круговую оборону по периметру площадки, припадая на колено и беря сектор под прицел.

Прошла минута.

— Командир, высадили. Выключаем… — вернулся в эфир Серёга, заняв своё место.

— Нет ещё, — произнёс я.

Пыль, поднятая на посадке, начала медленно оседать, открывая обзор.

Когда марево рассеялось, перед нами открылась вся картина.

Вокруг нашего импровизированного аэродрома, а именно вытоптанного футбольного поля с покосившимися воротами из жердей стояли люди. Это были старики в кепках-аэродромах, женщины в чёрных платках и множество детей. Они стояли плотным кольцом метрах в ста пятидесяти от вертолёта перед нашими десантниками.

Никакой агрессии. Люди улыбались, кто-то махал руками, кто-то поднимал над головой детей, чтобы те получше разглядели вертолёт. Но подходить ближе они не решались.

— Похоже, нас тут ждали как Гагарина. Только где встречающая делегация? — хмыкнул Серёга по внутренней связи.

Я снял гарнитуру и положил её на приборную доску.

— Пойду выясню.

— Понял, командир, — кивнул Беслан, взявшись за управление.

Я вышел в грузовую кабину, чтоб переговорить с Шестаковым.

— Не выводи, — сказал я, но Шестаков и не собирался.

— Что-то не то, — покачал он головой.

Как раз я заметил, что у собравшихся людей было сильное любопытство, что здесь происходит. Местные разглядывали нас, вертолёт и десантников будто бы пришельцев.

— Вам бы с ними поговорить. Чтобы у них не было паники, — предложил я абхазскому представителю Валерию.

Из толпы отделился высокий старик в потрёпанном пиджаке. Он опирался на сучковатую палку. За ним, держась чуть поодаль, стояли несколько мужчин помоложе. У двоих я заметил за спинами старые охотничьи ружья. А у одного из стоящих на крыше молодых парней был АКМ с двумя связанными изолентой магазинами.

Валерий аккуратно вышел из вертолёта и направился к старику, который подошёл ближе к десантникам и остановился.

Старик кивнул в сторону дороги, уходящей за поворот скалы. Судя по его жестам, никаких машин он не видел.

Я переглянулся с Шестаковым.

— «Встречающая сторона» опаздывает, — сделал он вывод.

— Или вообще не собирается приезжать, готовя нам сюрприз, — предположил я.

Мы стояли посреди горного села как на ладони с ценным пленником и полным вертолётом керосина, представляя собой идеальную мишень.

В грузовой кабине я услышал, как Кочакидзе громко усмехнулся.

— Что-то пошло не так. Вам надо было меня в Тбили… — крикнул он.

— Тебя забыли спросить, что нам делать, — прервал его я.

Я посмотрел через дверной проём на начинающее заходить солнце.

Если грузины не появятся в ближайшее время, нам придётся принимать непростое решение: взлетать и уходить с пустыми руками или ночевать здесь, рискуя получить пулю в спину или очередь из «зелёнки».

Глава 4

Размышлял я не долго. Вдали появились клубы пыли, взметнувшийся на одной из дорог у скалы. Спустя пять мнут к «футбольному полю» приблизилась колонна машин. Впереди был обшарпанный УАЗик без тента. За ним крытый брезентом ГАЗ-66 и замыкала процессию пара легковых «Жигулей».

Машины резко затормозили на краю поля. Большинство местных жителей и не собирались уходить, а только больше начали прижиматься к полю.

Из машин начали выходить вооружённые бойцы.

— Ого, какой табор, — прокомментировал Шестаков, не сводя глаз с гостей.

Зрелище и правда было колоритное. Никакой уставной формы. Грузинские военные были в разной одежде. Кто в камуфляжных штанах, но в обычной футболке с надетой поверх разгрузкой. Некоторые вообще были в джинсах, банданах и во всём чёрном.

Они что-то кричали нашим десантникам и размахивали руками, но из-за шума винтов и расстояния слов было не разобрать. Никто из группы прикрытия и не дёрнулся. Можно было сразу сказать, что численный перевес явно не на нашей стороне.

Вдруг от группы отделился один из бойцов. Это был высокий мужик в чёрной рубашке, таких же штанах и с АКС-74У в руках. Он демонстративно поднял автомат вверх и отдал его одному из подручных. Как бы показывая, что он «с миром».

Валерий, который разговаривал с местными, побежал навстречу парламентёру. Они встретились на полпути и о чём-то переговорили, активно жестикулируя. Рукопожатия не было, поскольку Валерий продолжал указывать рукой на вертолёт, а грузин мотал головой и махал руками.

Вскоре Валерий вернулся к нам запыхавшись. Он подбежал к открытой двери и прокричал, стараясь перекрыть гул двигателей.

— Это они! Говорят, наш пленник у них в машине сидит, а тела в грузовике. Требуют, чтобы вы заглушили двигатели. Мол шумно, говорить невозможно.

Я отрицательно покачал головой.

— Передай им, что двигатели выключать не будем, — ответил Шестаков.

Валерий кивнул и снова побежал к грузину. Тот выслушал, недовольно сплюнул, но махнул рукой своим.

Из кузова ГАЗ-66 солдаты начали вытаскивать носилки. Я прищурился и увидел, что на траву положили трое носилок с телами, замотанными в брезент.

Следом из «Жигули» вывели человека. Руки у него были связаны за спиной, а на голову накинут мешок. Его вывели и оставили рядом с телами. Старший грузинской «делегации» жестами показывал, что он готов.

Валерий подошёл к пленному и снял с него мешок. Тут же он обнял этого человека и показал нам, что всё хорошо.

— Беслан, держи машину. Я пошёл с Кириллом, — заглянул я в кабину и дал указание Аркаеву.

— Принял, Саныч. Смотри там… аккуратнее.

Автомат я не брал, как и Шестаков.

— Пошли, — крикнул Шестаков и рывком поднял Кочакидзе. — На выход, гражданин. Приехали твои спасители.

Мы вышли из вертолёта и тут же поток воздуха от винта ударил в лицо. Шестаков жёстко держал Кочакидзе за правый локоть, подталкивая вперёд. Я шёл слева, держа Муртаза за плечо.

— Я же говорил… — прохрипел он, но Шестаков дёрнул его за руку, заставляя заткнуться.

Мы прошли линию наших десантников и вышли на открытое пространство. Грузины пока ещё не сделали шаг вперёд, но и оружия не поднимали. Напряжение висело в воздухе такое, что казалось чиркни спичкой, и всё взлетит на воздух вместе с вертолётом и этим селом.

Стоило Кочакидзе увидеть своих, как он тут же расправил плечи. Даже сквозь его помятый вид проступила спесь.

— Знаешь, подполковник Клюковкин, хочу тебе отдать должное. Я и не знал, что ты настолько… серьёзный оппонент. Мастерски вы меня подловили в районе Псоу.

Всё же, это мы с Лёхой Яковлевым сбили Муртаза несколько дней назад. Теперь вот отдаю Кочакидзе в лапы его хозяев.

— Да и мне жаль, что так вышло с Гоги. Я ведь ему предлагал быть со мной, как и раньше, — проговорил Муртаз, пока в нашем обмене возникла пауза.

— Охотно верю, что тебе жаль, — ответил я с сарказмом.

Грузинские парни взяли носилки с телами наших ребят и понесли их к вертолёту. Удивительно, но никто из них не кривил лицом. Пленный абхаз так и продолжал стоять рядом с Валерием.

— Но Гоги, как и я, исполнял свой долг.

Шестаков посмотрел на меня и приготовился снять наручники с Муртаза.

— Мы следовали своей присяге как два офицера. Я своей Родине, ну а он выбрал остаться верным красной тряпке, — произнёс Кочакидзе.

Я покачал головой и развернул к себе Муртаза, чтобы посмотреть в глаза этому предателю. И ведь ещё несколько лет назад он, как и я, как и Гоги, служили одной стране. А сейчас всё иначе.

— Не оправдывайся, Муртаз. Свою присягу ты давно нарушил. Да и офицером тебя назвать уже нельзя. Так что, как ни крути, а я уже знаю кто ты есть и кем будешь после смерти.

— И кем же? Героем нации? — вздёрнул Кочакидзе своим поцарапанным носом, улыбаясь мне.

— Предателем и сукой, — похлопал я его плечу и аккуратно подтолкнул к грузинским бойцам.

Кочакидзе от неожиданного манёвра чуть повело в сторону, но он устоял на ногах. Он выругался на грузинском и пошёл к своим, слегка прихрамывая на одну ногу.

Главный среди грузинских бойцов в чёрной одежде на удивление не бросился обнимать Кочакидзе или хлопать его по плечу. Бойцы расступились молча, с какими-то нейтральными выражениями на лицах. Двое крепких парней просто подошли к Муртазу, подхватили его под руки и отвели к одной из машин «Жигули», усадив на заднее сиденье.

Командир грузин медленно направился в нашу сторону. Он что-то крикнул своим подчинённым и один из них побежал к УАЗу. Пока Валерий уводил в вертолёт представителя Совета министров Абхазии, командир грузинского отряда продолжал медленно приближаться к нам. По его походке и тому, как уважительно смотрели на него подчинённые, было видно что он себя считает хозяином здешних мест.

Командир грузин остановился в паре шагов от нас и снял солнцезащитные очки.

— Почему двигатели не выключаете? — спросил он, убирая очки и вставая в стойку перед нами.

Командир отряда широко расставил ноги и поставил руки в боки.

— Торопимся, — ответил ему Шестаков.

— Это моя земля, русские. Мы здесь защищаем наш народ. Шнау, слышали о таких?

Насколько я знаю, шнау — одна из народностей Кавказа, известная как сваны.

Похоже, что этот человек скорее всего один из командиров отрядов местного ополчения. Они не были на стороне абхазов, но и в будущем разошлись во мнениях и с грузинской стороной.

— Кодори — мой дом, а это — мои люди. Мне главное, чтобы здесь был порядок. А кто там в Сухуми или Тбилиси сидит — мне плевать, пока они мой дом не трогают.

Он достал пачку сигарет «Винстон», и предложил нам закурить. Естественно мы отказались. Сван закурил сам, выпустив дым вверх.

— В этом селе нет ваших людей, — заметил Шестаков.

— Да. Мои земли выше по ущелью. И советую ни вам, ни абхазам туда не лезть.

Я молчал, понимая, что перед нами типичный местный «князёк» или полевой командир. Гордый, независимый и прагматичный. Для него в приоритете выживание его клана и удовлетворения своих амбиций.

— За этого… — он кивнул в сторону машины, где сидел Кочакидзе, — и за обмен абхаза мне заплатили из Тбилиси. Хорошо заплатили оружием и деньгами. У меня людям жрать надо, патроны нужны. Так что ничего личного, русские. Вы ещё мне хотели что-то сказать?

Тут Шестаков включился в разговор активнее. Мне стало ясно, что он сюда прилетел не просто обмен провести. У него было какое-то послание для местных ополченцев. Времени у нас было немного, но Кириллу удалось быстро передать информацию от нашего командования.

— Сдача оружия, формирование местных органов власти и обеспечение правопорядка советскими солдатами. Таково наше предложение для народа Кодори, — объявил Шестаков.

Я обернулся, чтобы посмотреть на вертолёт. Беслан уже показывал мне жестом, что время уходит, тыкая пальцем в запястье. Да и десантники уже столько минут в напряжении.

— Вся эта война подстроена и запланирована, чтобы мы возненавидели друг друга. Уже нечего вам делить с абхазами. У вас есть возможность с ними примириться. С нашей стороны мы готовы организовать переговоры.

Полевой командир докурил сигарету, бросил и растоптал её на земле.

— Время, русские. Время всё рассудит, — сказал он и развернулся к своим бойцам, чтобы кого-то позвать.

Сван щёлкнул пальцами и к нему тут же подбежал один из бойцов и протянул свёрток. Командир развернулся к нам и протянул мне побитый защитный шлем. В свёртке были какие-то вещи, большинство из которых были обгоревшие.

— Мы не успели сделать гробы и положить в них погибшим. Сделайте это сами, — сказал он, намекая на тела, лежащие на носилках в вертолёте.

Он вложил вещи мне и Шестакову в руки.

— Пусть уходят достойно. Я уважаю тех, кто сражается честно, на чьей бы стороне они ни были.

Он коротко кивнул, развернулся и, не дожидаясь ответа, зашагал к своему УАЗу.

— Я дам вам ответ, русские. Очень скоро.

Среди всей этой грязи гражданской войны, предательства и крови, этот сван вдруг проявил больше чести, чем многие политики, заварившие эту «кашу».

— Задача выполнена. Летим, Саныч?

— Теперь точно летим, — ответил я, и мы с Кириллом зашагали к вертолёту.

Мы быстро забрались в вертолёт, а десантники запрыгнули уже следом. По пути я бросил взгляд на носилки, которые лежали по центру грузовой кабины. Абхаз Валерий аккуратно поправлял брезент, который слегка раскрылся в момент переноски.

Мельком я успел заметить обгоревшую ладонь одного из погибших, а потом быстро протиснулся в кабину экипажа на своё место.

— Контроль связи, — запросил я у Беслана, надев гарнитуру и подсоединив «фишку» радиосвязи.

— Хорошо. К взлёту готов, — ответил мне Аркаев.

За спиной послышался звук закрытия двери в грузовую кабину, и Сергей Масленников вернулся к нам.

Я посмотрел в сторону деревни. Машины сванов уже скрылись за скалами, уезжая в направлении подконтрольных им сёл. Местных они и правда не трогали, но дождаться их отъезда надо было. На всякий случай.

— Взлетаем. Управление на тебе, — дал я право произвести взлёт Беслану, когда ополченцы Кодорского ущелья исчезли окончательно.

— Понял.

Беслан плавно потянул рычаг «шаг-газ» вверх, одновременно давая правую педаль, чтобы компенсировать разворачивающий момент. Вертолёт дрогнул и оторвался от земли.

— Пошли в разгон, — доложил Беслан, отклоняя ручку управления от себя.

Вертолёт опустил нос и начал набирать скорость. Стрелка указателя скорости поползла к отметке 100 км/ч, а вариометр показывал вертикальную 5 м/с. Видно было, что Аркаев старался быстрее выскочить из «каменного мешка».

Тут же началась облачность, но не такая уж плотная, чтобы она повлияла на навигацию.

— Возьми вправо 30°. Пройдём в стороне хребта, — подсказал я, чтобы Беслан отвернул от гор.

— Понял. Занимаем 1500, — ответил Аркаев.

— Обруч, 317-й, на связь, — запросил я корабельный самолёт РЛДН Як-44, барражировавший над морем.

— Обруч, на связи, 317-й. Взлёт произвели?

— Подтвердил. В наборе 1500. Прошли первый поворотный.

— Вас понял, — ответил оператор Як-44.

Спустя минуту облачность осталась позади. Видимость сразу стала «миллион на миллион».

— Саныч, что дальше? Командира забрали, а как же война? — спросил у меня Беслан, когда мы заняли согласованную ранее высоту.

— А дальше мы будем продолжать делать то, что умеем. Может меня и домой отпустят, — улыбнулся я.

Беслан и Серёга тоже усмехнулись от такой «шутки».

В наушниках зашипело, а потом пробился голос руководителя полётами с аэродрома Бомбора.

— 317-й, Лачуге.

— Ответил, 317-й. По обратному, 1500. Все на борту, прошу условия на посадке.

Пауза в эфире была короткой.

— Понял тебя, 317-й. Давление 760 ровно, ветер у земли 250 градусов, 4 метра. Заход с ходу разрешил. Подскажите расчётное время посадки.

Я быстро прикинул сколько нам ещё лететь, и сверился с картой.

— 317-й, расчётное время посадки пятнадцатая минута следующего часа.

В указанное мной время мы и произвели посадку. Колёса коснулись бетона почти неощутимо. Беслан мягко дожал рычаг «шаг-газ» после касания и зарулил на стоянку.

— Выключаемся, — произнёс я, и Серёга закрыл рычаги стоп-кранов.

Турбины начали затихать, а свист перешёл в низкий вой. Лопасти, сделав несколько тяжёлых оборотов, замерли, слегка провисая под собственной тяжестью.

В наступившей тишине первым вышел Сергей. Он открыл дверь кабины и пошёл к сдвижной двери.

— Саныч я… ну мне быстрее, — сказал Беслан, и я пропустил его.

Через правый блистер я увидел, что у нашей «восьмёрки» уже выстроился личный состав. Техники, лётчики и все кто был свободен. Фактически вся эскадрилья. Стояли молча и сняв головные уборы.

Я медленно вышел из вертолёта и встал рядом с открытыми створками грузовой кабины к которым подъехал УАЗ «таблетка». Бойцы из группы сопровождения встали со мной рядом, а Шестаков остался с абхазами в грузовой кабине.

Следом начали по одному выносить тела погибших и аккуратно грузить в «таблетку». Я вытер ладонью пот со лба и перевёл взгляд на соседнюю стоянку.

Там тяжёлый транспортник и почти уже «старый воин» русской авиации Ан-12. Его характерное хвостовое оперение, четыре турбовинтовых двигателя и «стального» цвета фюзеляж ни с чем не спутать.

— Опять «Чёрный тюльпан», — тихо сказал Кирилл Шестаков, выходя из вертолёта.

— Он самый, — ответил я, переводя взгляд на УАЗ «таблетку» и застывший строй эскадрильи.

— Стоит под погрузку. Завтра пойдёт в Краснодар, а потом и по другим аэродромам. К сожалению, не только Завиди и его экипаж погибли на этой войне, — продолжил размышлять Кирилл.

УАЗ тронулся с места и поехал в сторону КПП. Я проводил его взглядом, а строй эскадрильи ещё пару минут стоял молча в ожидании команды их нового командира Беслана.

— По рабочим местам, — услышал я Аркаева и он пошёл в сторону штаба.

Абхазов уже ждали машины и они, поблагодарив нас, начали грузиться. Валерий перед этим расспросил обо мне и Гоги, уточнил несколько моментов из его биографии. Хотя, я и не так уж много их и знал.

Абхазы уехали. Попрощавшись с Кириллом, я ушёл в сторону казармы. Когда кортеж машин уехал, на аэродроме воцарилась тишина. Да такая, что можно было услышать как море шумит недалеко от торца полосы.

Доклад я произвёл только через час, поскольку командующий хотел лично услышать подробности от меня и Шестакова.

Гоги и весь его экипаж с почестями на следующий день отправили домой. К сожалению, мне недолго было отпущено летать бок о бок с этим достойнейшим человеком.

***

Так прошёл ещё месяц моего пребывания в солнечной Абхазии. Обстановка в стране шла к подписанию очередного договора. Теперь уже фактор советских войск на территории Абхазской АССР заставлял грузин быть более сговорчивыми. Хотя находились и такие личности, как гражданин Каркарашвили, которые могли «отчебучить» гениальные выступления по телевизору.

Одно из таких я увидел зайдя в штаб, чтобы мне поставили печати в лётную книжку. А то пролетал в Абхазии почти четыре месяца и ни одной печати нет в подённом учёте.

Войдя в кабинет начальника штаба эскадрильи, я сразу уловил голос Каркарашвили из телевизора в углу. В данный момент этот человек был на должности начальника управления национальной гвардии.

— Я не собираюсь соблюдать эти договорённости. Я должен захватить мельзавод и нефтебазу… — продолжал он «играть на публику».

— Ха, а ведь капитаном был в нашей армии. Уволился из армии и приехал в Грузию. Теперь вон какой «фрукт», — прокомментировал начальник штаба эскадрильи это выступление.

Я поблагодарил его за печати и вышел из кабинета. И вновь я чуть не сбил с ног Кирилла Шестакова.

— Блин, ты бы колокольчик носил, чтоб я слышал тебя, — пожал я руку Кириллу.

— От тебя в воздухе не уворачиваются, а на земле тем более. Ты не к командующему? — спросил у меня Шестаков.

— А надо? Я недавно прилетел с задачи. Немного бы мысли в порядок привести, а потом уже готов и пойти. Если, конечно, не срочно, — ответил я.

— Есть немного. Там у него целый исполняющий обязанности министра обороны Абхазии сидит. И просит тебя.

Оказывается в Абхазии уже создают целые министерства. Похоже, что она так и останется отдельной республикой и пока в состав СССР не собирается.

Я кивнул и мы медленно пошли к кабинету Ванилина. Кирилл рассказал мне об общей обстановке в стране. Она несколько успокоилась.

— Сейчас налицо стагнация боевых действий. По всем грузинским войскам отдан приказ не открывать огонь, не отвечать на провокации. Наши войска начинают занимать объекты по всей территории Абхазии. Не сегодня-завтра стороны начнут обсуждать мирный договор. С нашим участием, конечно.

— А что говорят в Москве? Войска оставят здесь или может какой-нибудь контингент?

— Думаю, что на Бомбора сделают какую-нибудь крупную базу. Эскадрилью и звено истребителей оставят точно. Может усилят ещё и флотом, если Грузия уйдёт из Очамчиры.

Через пару минут я постучался в кабинет Ванилина и получил разрешение войти.

— Побыстрее, товарищи, — подгонял нас Ванилин, который сидел на своём месте и перебирал документы.

Вид у него был невыспавшийся. У окна сидел ещё один человек. Крепкий, в полевой форме.

На нём был простой камуфляж «Бутан» без знаков различия. Никакого парадного лоска, только функциональность. На ногах начищенные берцы. Лицо у него было обветренное, с глубокими морщинами и густыми усами.

Он внимательно, изучающе смотрел на меня. Похоже, что это и есть исполняющий обязанности министра обороны Абхазии.

Я подошёл к столу чётким строевым шагом.

— Товарищ командующий, подполковник Клюковкин по вашему приказанию прибыл.

Ванилин поднял на меня покрасневшие глаза. Вставать не стал, руку тоже не протянул. Видимо ему было не до церемоний сейчас. Он просто кивнул, принимая доклад.

— Спасибо за работу, Александр. Сделали в очередной раз всё грамотно, без лишней крови. Это сейчас главное, — ответил Ванилин и откинулся в кресле, указывая на человека у окна.

Гость встал и подошёл ко мне. Выглядел он внушительно.

— А теперь познакомься. Исполняющий обязанности министра обороны Абхазии, полковник Владимир Георгиевич Аршба, — представил Ванилин гостя.

Мы пожали с Аршба руки, и он приветливо мне улыбнулся.

— Подполковник Клюковкин… — медленно произнёс он, словно пробуя фамилию на вкус. Голос у него был низкий, с хрипотцой. — Александр?

Я кивнул. Аршба улыбнулся ещё шире.

— А я ведь тебя помню, подполковник. И фамилию твою помню. А ещё Батырова и Уланова.

Он повернулся к Ванилину.

— Я ведь тоже «за речкой» был в 1980–1982 годы. Панджшерская операция. Помнишь такую, Александр?

— Конечно, помню.

— Нас тогда крепко зажали, — продолжил Аршба. — Головы поднять не давали. Раненых тьма, я сам кровью истекал. Думали всё, конец. А потом ваши вертушки появились. Сели прямо в пекло, под перекрёстным огнём. Экипаж Батырова и Клюковкина с Баграма, а бортовой техник Уланов. Вы нас тогда и вытащили.

Да, таких вылетов в Афганистане было очень много. Всех и не сосчитать.

— Я тогда без сознания был, спасибо сказать не мог. А фамилии в госпитале узнал. И запомнил на всю жизнь.

Он ещё раз крепко сжал мою ладонь.

— Спасибо тебе, Саша. За то, что тогда с того света вытащил. И за то, что сейчас здесь помогаешь.

— Вы же знаете, Владимир Георгиевич. Своих не бросаем, — ответил я.

— Это уж точно. Отличный девиз!

Ванилин молча наблюдал за этой сценой, и мне показалось, что суровый взгляд генерала немного потеплел.

Аршба присел на место и придвинул к себе кожаную папку и небольшую коробочку.

— Ладно, Александр. Вот основное для чего я тебя вызвал, — сказал командующий.

Он взял со стола бланк телеграммы и пустил его по гладкой поверхности стола в мою сторону.

— Читай.

Я взял листок. Текст был лаконичным:

— «В распоряжение командующего ОГВ откомандировать 8 экипажей с допуском на Ми-8 и 4 экипажа с допуском на Ми-24П и В. для выполнения задач по поддержанию мира и правопорядка на территории Абхазской АССР…» — прочитал я.

Это было приятно слышать, что численность войск увеличивается. А ещё в телеграмме сказано, что экипажи будут со своей техникой. Это вдвойне интереснее.

— Усиление? — спросил я.

— Да, — коротко бросил Ванилин. — Только люди там не все опытные. Гор не знают, местной специфики не понимают. Ты здесь, Клюковкин, уже каждую щель изучил. Твоя задача встретить их, разместить и натаскать. Будешь для них «дядькой-наставником». В курс дела введёшь, районы покажешь. Чтобы дров не наломали в первые же дни.

— Задача ясна, товарищ командующий.

— Так, ну а теперь снова ваш выход, Владимир Георгиевич, — передал слово Ванилин.

Аршба помолчал, давая улечься воспоминаниям, а затем лицо его снова стало официально-строгим. Он взял со стола небольшую, обтянутую бархатом коробочку, которую я раньше заметил рядом с ним.

— Александр, война — это не только грязь и кровь. Это ещё и люди, которые отдают всё, что у них есть. Вплоть до самой жизни.

Он бережно взял коробочку в руки.

— Решением Верховного Совета нашей республики учреждена высшая степень отличия — звание «Герой Абхазии». Вот эта золотая восьмиконечная звезда.

Аршба открыл коробочку. На бархате лежала восьмиконечная золотая звезда, тускло блеснувшая в свете кабинетной лампы. Сама медаль крепилась к четырёхугольной колодке, покрытой шёлковой муаровой лентой. Лента была в виде четырёх зелёных и трёх белых горизонтальных полосок.

— В Верховном Совете недолго думали, кто должен получить её первым. И решение было единогласным. В знак признания исключительных заслуг, мужества и героизма, проявленных при защите Абхазии звездой Героя Абхазии под номером 1 награждается подполковник Завиди. Посмертно.

Да, это было достойно памяти Георгия. Своей службой здесь он это доказал.

— Спасибо, Владимир Георгиевич. Гоги… был настоящим офицером. И настоящим мужиком. Это достойнейшая награда. Лучшей памяти для него и быть не может. Спасибо, что не забыли.

Я думал, разговор окончен. Но Аршба не опустил руку. Он смотрел мне прямо в глаза.

— Я не закончил, Александр, — сказал он. — В указе председателя Верховного Совета есть ещё один пункт.

Ванилин, всё это время молчавший, встал из-за стола, поправляя китель.

— Тут и мне нужно подняться, — сказал командующий, обошёл стол и встал рядом с Аршба.

— За мужество и героизм, проявленные при выполнении миротворческих задач, спасение жизней мирного населения и раненых, в знак признания исключительных заслуг перед республикой, звания «Герой Абхазии» удостоен подполковник Клюковкин Александр Александрович.

Глава 5

Вручение столь высокой награды никак не отразилось на объёме задач. Наоборот, теперь количество перевозок стало запредельным. То командующему нужно срочно в Сухум, то ещё кому-то надо проверить блокпост в Кодорском ущелье. И если снабжение войск было оправданным и необходимым, то большинство вылетов представителей штаба объединённой группировки войск были совсем необязательными.

Зачем лететь в район Кавказского хребта с целью провести проверку боевой подготовки у личного состава? Как будто они прям там пишут тетради и конспекты.

Единственный плюс, что в процессе таких вылетов можно было «натаскать» прибывших лётчиков.

Так прошли ещё две недели. Ввод в строй прибывших был уже в самом разгаре. Вот и сегодня мы закончили очередной развоз груза по высокогорным блокпостам и вернулись в Бомбора.

Зарулив на стоянку, я и мой сегодняшний «обучаемый» старший лейтенант Щукин вышли из Ми-8. Поблагодарив техников, мы направились по истёртым бетонным плитам аэродрома в сторону казармы. Вокруг кипела привычная аэродромная жизнь.

На дальней стоянке разгружался огромный Ил-76. Из его грузовой кабины один за другим выгружали ящики с боеприпасами. Чуть поодаль рулил на исполнительный старт Ан-26, поднимая вихри пыли.

На стоянках техники сновали вокруг вертолётов, как муравьи. Кто-то тащил пистолет заправщика, кто-то подвешивал блоки НАР, а кто-то копошился в двигателе, забравшись на самый верх одного из Ми-26.

Недалеко от нас пара «шмелей» Ми-24 уже отрывалась от полосы, уходя в сторону гор.

— Тебе ещё раз показать? — спросил я у Щукина, имитируя ладонью положение вертолёта.

— Если можно, Сан Саныч. Вы в кабине объяснили, когда «подхват» случился, но я был с таким коэффициентом опиз…

— Не продолжай. Смотри, «подхват» на горке — штука коварная.

Щукин слушал внимательно, ловя каждое слово и следя за моими движениями.

— Плавно опускаешь рычаг шаг-газ на 2-3°. Также и с ручкой управления. Если резко от себя пихнёшь, то лопастями по хвостовой балке рубанёшь. Ещё раз: шаг сбросил немного, крен создал, чтобы поток сорвать, и ручку аккуратно от себя. И старайся чувствовать вертолёт. Он тебе сам подскажет, когда дрожать начнёт перед срывом.

— Понял, Сан Саныч. Я смотрю, что тут приходиться крутиться. Совсем не курорт, — кивнул Щукин.

— Привыкнешь. В Афгане, как я понял, ты не был? — спросил я, когда мы продолжили движение в сторону казармы.

— Не-а. И Сирию не зацепил, и Африку тоже.

— Хм, ну а горная подготовка? По-моему, это всё сейчас должно быть в планах боевой подготовки на год?

Щукин покачал головой и расстроено выдохнул.

— Уже давно не в плане. Наш полк, когда с Германии вывели, отправили в Алакуртти. Не до боевой подготовки пока что.

Мы остановились у одного из бортов, на котором техники уже заканчивали предполётную подготовку.

Да, грустно слышать, что начинается в армии разброд и шатание. Особенно после того как вывели войска из Европы буквально в чистое поле.

— Кстати, Сан Саныч, наш комэска, Свиридов и Аркаев, сегодня баньку организуют. Я ещё в кабине хотел передать, да так сильно увлёкся полётом, что только сейчас вспомнил. Просили передать приглашение, а то все в разлётах. Сказали, без главного инструктора пар не тот будет.

Я усмехнулся.

— Ну, раз пар не тот, то приду.

— Добро, будем ждать, — ответил Щукин, и мы с ним разошлись.

Старлей остался с техниками, чтобы проверить что-то на вертолёте. Я же хотел пойти в казарму. Но не успел сделать и пары шагов, как меня окликнули.

— Товарищ командир! Александр Александрович!

Ко мне, перепрыгивая через заправочные шланги, бежал старший лейтенант Павел Иванов, старший инженерно-технической группы от моего учебного полка. Как и я, приехавший только передать технику и научить летать личный состав 215-й эскадрильи в горах, Иванов с группой техников тоже остался в Абхазии и застал всю активную фазу боевых действий.

— Паша, ты чего шумишь? — спросил я.

— Тороплюсь… к вам, — ответил Иванов, затормозив рядом и пытаясь отдышаться.

— Ты знал о том, что бегущий офицер в военное время вызывает панику? — спросил я с улыбкой.

— Эм… нет. А в мирное?

— И в мирное вызывает панику. Так ты чего бежишь? Случилось чего?

— Случилось, Сан Саныч. Документы готовы! — радостно воскликнул Паша.

Я не сразу понял какие могут быть готовы документы. Недавно я подал на награждение моих парней лично Ванилину. Он, конечно, ворчал. Вспоминал какие-то постулаты и научные статьи, но свою положительную резолюцию на наградных написал.

Только вот про это Паша не мог знать. Значит…

— Документы на убытие? — спросил я.

Иванов расплылся в улыбке и быстро закивал головой.

— Так точно, товарищ командир. Я сейчас в штабе был, у строевиков. Закрывают нам командировочные, акты на передачу техники подписали. Сказали, борт под нас на «большую землю» будет через три дня. Можем собираться домой!

Новость была неожиданной. Мне было известно, что как только прибывшие ребята немного привыкнут к местным условиям, нас отпустят. Но слово «домой» всё равно стало приятным сюрпризом.

— Через три дня, говоришь? — переспросил я задумчиво.

— Так точно! Три дня на сборы и сдачу имущества. Парни уже в курсе, радуются, чемоданы пакуют мысленно. Какие будут указания?

— Как обычно. Готовимся к убытию. Не злоупотреблять местным гостеприимством и напитками.

— Есть. А если напитки не местные? Свои, так сказать.

— Тем более. В общем, 48 часов вам на разграбление города, но только в дневное время и не по одному.

— Так точно, товарищ командир.

Паша задорно улыбнулся и с довольным лицом ушёл к стоянкам. Понёс благую весть остальным.

Вечером я пошёл в помещении термокомплекса, или как в народе зовётся — баня. Данное место в здании командно-диспетчерского пункта было сакральным. Здесь, в небольшой комнате отдыха, обшитой потемневшей от времени вагонкой, всё на время отступало. А сам процесс посиделок растворялся в запахе распаренных берёзовых веников, табачном дыме и аромате вкусностей.

Исполняющий обязанности комэска 215-й отдельной эскадрильи Беслан Аркаев выступал в роли радушного хозяина. Стол ломился от еды, какой только можно было разжиться в это время.

В центре стола стояла варёная картошка. Рядом на тарелках громоздились соленья — ядрёные огурцы, квашеная капуста и помидоры, от одного вида которых сводило скулы. Тут же и нарезанный толстыми ломтями хлеб, куски домашнего сулугуни, банки кильки в томате, овощи.

Среди всего этого возвышались стеклянные бутылки с лимонадами «Тархуном» и «Гулаби». Ну и, конечно, без вина не обошлось.

За столом присутствовал подполковник Сиридов, занимающий должность командира эскадрильи. С ним два командира звеньев Ми-8 — капитаны Норин и Ивлев.

После первого захода в парилку, слово взял Аркаев.

— Много выпивать не следует, поскольку работу никто не отменял, — подтвердил Беслан общую приверженность к порядку.

— Правильно, Беслан Иванович. Только для аппетита и расширения сосудов, — улыбнулся Сиридов.

— Ну, мужики. За то, что собрались. Дай Бог, чтоб и дальше так, — объявил Аркаев, и все быстренько чокнулись.

После пошли обсуждать, как это обычно бывает, работу. Присоединившийся к нам чуть позже Кирилл Шестаков, вина много не пил, но налегал на «Тархун».

— Жаль, что Гаранин уехал. Мы бы и его позвали, — сказал Беслан Кириллу, когда разговор зашёл за Сергея Викторовича.

— Мда. Сожрали мужика. Кстати, Саныч, помнишь когда Седой кого-то по телефону капитаном назвал? Это Ванилин был, — рассказал Шестаков.

Теперь понятно, почему Гаранин так рано уехал. Им с Ванилиным точно было здесь не ужиться. Я сразу вспомнил тот самый разговор по телефону после нашего удара по грузинским войскам, заблокировавших границу. Сергей Викторович тогда отбивался от атак по телефону весьма красноречиво.

— Вот так ученика вырастил, Седой, — ответил я.

— Ты его позывной помнишь? — улыбнулся Беслан, вспомнив что в Сьерра-Леоне именно так звали Гаранина в эфире.

— Да его так и в штабе зовут, — посмеялся Кирилл.

Далее вспомнили и особенности вылетов в последние три дня. Особенно капитан Ивлев. Ему понравился мой подход к обучению.

— Сан Саныч, вы вообще педагог строгий, но справедливый. Методика у вас своя. Видимо, «афганская», — улыбался командир одного из звеньев, закусывая огурцом.

— Ну да. Сначала покажет, потом расскажет, а потом, если не понял, может и шлемом добавить. Для закрепления материала, — посмеялся Беслан.

За столом раздались сдержанные смешки. Хоть и по поводу шлема это была выдумка, но допущение в пределах разумного.

После очередного захода в парилку, меня остановил Беслан.

— Сан Саныч, выйдем на пару слов? Дело есть.

Я кивнул, накинул простынку и пошёл за Аркаевым. Мы вышли из предбанника в соседнюю небольшую комнатушку, служившую местом отдыха. Здесь было гораздо прохладнее.

На полке шкафа стоял магнитофон «Шарп», из которого доносились танцевальные ритмы нашей эстрады.

— Ты уйдёшь, но приходит злая ночь… — пел вокалист группы «Комиссар».

Беслан сделал чуть тише и подошёл к окну. Я же прилёг на один из топчанов, оббитых дермантином. Аркаев с натугой повернул тугой шпингалет и распахнул окно. В комнату тут

же ворвался свежий, влажный воздух абхазской осени, пахнущий прелой листвой и морем. После банного жара по коже пробежали мурашки. Беслан глубоко вдохнул, достал пачку сигарет «Мальборо» и предложил мне.

— Вы ещё не устали мне предлагать? — улыбнулся я.

— Да я всё хочу тебя подловить. Может расслабишься и угостишься.

— Настолько не расслаблюсь. Что случилось?

— Я тут бумаги подготовил. На своих орлов представления к наградам сделал. Завтра хочу отнести начальнику штаба группировки. Он же всеми этими делами заведует.

Я кивнул, а сам вспомнил, что сделал несколько иначе. Товарищ полковник Жомтов был одним из тех, кого я видел в первый день знакомства с Ванилиным. И именно Жомтов был не особо со мной приветлив.

— Дело хорошее. Парни заслужили. Летают на износ. В чём проблема-то?

Беслан поморщился, стряхнул пепел за окно.

— Да в том и проблема, что не уверен я. Боюсь, зарубят.

— Кто зарубит?

— Да этот начальник штаба группировки, полковник Жомтов. Жадный он до этого дела, Саныч. Страсть как не любит наградные листы подписывать. У него логика какая-то своя, штабная. Мол, рано ещё, не навоевали, или «лимиты исчерпаны». Сколько раз уже пацанов моих заворачивал. И десантуру тоже не жалует. Придирается к запятым, к формулировкам, а по сути просто не хочет ход давать.

Причём здесь награждение и начальник штаба, мне сложно понять. Обычно такие вопросы отслеживал замполит и сам командир. Но видимо в объединённой группировке войск Ванилин отрядил полномочия по наградам именно начальнику штаба.

— А командующий? Ванилин же вроде не особо против наград.

— Ванилин-то нормальный. Только он высоко. Он в эти бумаги не вникает особо. Ему начштаба папку приносит, говорит: «Вот это, товарищ генерал, проверено, можно подписывать». А то что полковник отсеял, генерал и не видит. До него мои рапорта просто не доходят. Оседают в канцелярии или в корзину летят. А идти через голову начштаба — сам знаешь, субординация, да и нажить себе врага можно такого, что потом вообще кислород перекроют. У меня людям хоть какая-то благодарность нужна и стимул. Они ж жизнью рискуют каждый день.

Беслан замолчал. Видно было, что эта несправедливость гложет его давно.

Я посмотрел на Аркаева внимательнее. Он был уставшим и озабоченным.

— Завтра мне покажешь. А сейчас пошли доедать картошку, а то остынет.

Утром Беслан принёс мне в казарму бумаги, чтобы я просмотрел их. Я развернул их, пробежал глазами по строчкам. Фамилии, звания, краткое описание подвигов. «Выполнил эвакуацию раненых под обстрелом…», «Доставил боеприпасы на блокированную высоту…». Всё было написано грамотно, красиво и подчёркивало, что каждый вылет был рисковым.

— Оформлено грамотно, придраться не к чему. Ну тогда пошли, — констатировал я, возвращая бумаги.

Аркаев удивлённо посмотрел на меня.

— Вместе? Думаешь, поможет? Он же упёртый, как баран.

— Посмотрим. Я ж волшебные слова знаю. Меня послушает.

Пока я одевался, Беслан всё равно не особо верил в успех.

— Но полковник Жомтов ведь формалист жуткий. Скажет: «Товарищ Клюковкин, это не ваша эскадрилья, не ваше дело».

— А мы сделаем так, чтобы это стало моим делом. Если начнёт юлить, то намекнём что можем и напрямую к Ванилину зайти, чайку попить, да про несправедливость упомянуть невзначай.

Беслан хитро прищурился, а затем широко улыбнулся.

— А ты стратег, Саныч. Хитёр.

— Жизнь научила, — ответил я, похлопав его по плечу.

Через двадцать минут мы подошли к кабинету начальника штаба объединённой группировки войск. К нему уже стояла достаточно большая очередь с документами. И, как я понял, достаточно давно к нему никто не заходил.

— Занят? Совещание? — спросил я у стоящего в дверном проёме старшего лейтенанта.

— Не знаю. Сказал не заходить.

— Тебе или всем?

Старлей удивился и задумался. Я быстро посмотрел, чтобы документы Беслана были зарегистрированы, и показал ему, чтобы шёл за мной.

— Товарищи, мы только спросить… — громко сказал я и протиснулся в кабинет.

Полковник Жомтов сидел в своём кабинете. Никаких следов совещаний или важных разговоров по телефону здесь не было. В углу работал радиоприёмник из которого звучало очередное выступление симфонического оркестра.

— Разрешите, товарищ полковник? — спросил Беслан и вошёл первым.

Я же шагнул следом.

Жомтов не оторвался от бумаг, а только поправил очки.

— Я сейчас занят, Беслан Иванович. Если это не срочно, конечно, — ответил полковник и скривился, как от зубной боли.

Жомтов был грузный мужчина с рыхлым лицом и мутными глазами, которые смотрели на мир с выражением вечного недовольства.

— Так точно. Я по поводу бумаг наградных…

Начальник штаба поднял голову и перебил Беслана.

— Опять?! Я же сказал, не до твоих писулек сейчас. Обстановка сложная… О, а вы какими судьбами, Александр Александрович? — спросил Жомтов, увидев меня.

Тон полковника мгновенно сменился. Хоть я и был любимцем Гаранина, у которого был конфликт с командующим, но Ванилин со мной был всегда уважителен в общении.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — поздоровался я и прошёл к столу, не дожидаясь приглашения.

Я протянул руку и поприветствовал Жомтова.

— Да вот, зашёл поддержать коллегу. Дело государственной важности, можно сказать.

Беслан положил стопку наградных листов на край стола. Жомтов скосил на них глаз, но в руки брать не спешил. Только тяжело вздохнул и посмотрел на меня.

— Вы не похожи на адвоката, Сан Саныч.

— Согласен. Не то образование, но не могли бы вы рассмотреть этот вопрос, — кивнул я на бумаги.

— Опять наградные? Аркаев, я же объяснял. Лимиты не резиновые. И вообще, рано ещё. Пусть повоюют, проявят себя.

Беслан тут же начал доказывать, что пора награждать.

— Куда уж больше проявлять, товарищ полковник? Вчерашняя эвакуация из Ткуарчала. Борт одного из моих лётчиков под огонь ЗУшки попал, а на борту двенадцать раненых гражданских. Я там был, прикрывал…

— Подтвердил, товарищ полковник. Тут на орден минимум.

Жомтов заёрзал в кресле. Моё присутствие явно ломало его привычный сценарий отказа. Но и меня он слушать не собирался. Для него я тоже «не указ».

Полковник что-то пробормотал себе под нос, перекладывая ручку с места на место.

— Ну… я не спорю, дело нужное. Но есть порядок. Есть разнарядка. И вообще, в Москве ещё не определились со статусом нашей операции. Так что, ждите наград от Абхазии. Вот как вы, Александр Александрович.

Я посмотрел на Беслана, но у него аргументы закончились.

— Товарищ полковник, а как же поднятие боевого духа? У людей должно быть чувство, что страна их помнит и ценит, — продолжил я.

— Вот с этим вопросом вам к замполиту. А страна и так всех ценит, любит и целует. Всем платят денежное довольствие, пайковые и всем остальным обеспечивает. Или вам что-то не хватает? Об этом вы тоже можете поговорить с товарищем замполитом. А если быть точным, то с заместителем командующего по воспитательной работе. С недавних пор теперь эта должность звучит так.

Что верно, то верно. Замполитов теперь переименовали, а в полку они и вовсе стали помощниками командира.

— Что ж, ну тогда если вы не против, не могли бы вы официальный ответ написать на рапорте? — спросил я и придвинул Жомтову документы.

— Зачем?

— Понимаете, товарищ полковник. Данная проблема очень актуальна для 215-й эскадрильи. А значит, её необходимо решать, верно?

Жомтов кивнул, но не понял к чему я клоню.

— У меня стоит задача перед убытием произвести доклад о проделанной работе в 215-й эскадрилье командующему генерал-полковнику Ванилину. Так что мне нужно будет ему доложить, почему…

— Ты чего такое говоришь, Клюковкин? — перебил меня Жомтов.

— Товарищ полковник, я следую букве закона. Как и Беслан Иванович. Мы не можем решить проблему с награждением личного состава. Вы — тоже. Поэтому, согласно Устава мы можем обратиться к вышестоящему командованию. Вот и просим вас поставить свою отрицательную резолюцию на рапорте.

При упоминании Ванилина и официального ответа Жомтов дрогнул. Он прекрасно знал, что командующий не оценит такой ход со стороны начальника штаба. Личный состав 215-й эскадрильи совершил огромное количество боевых вылетов за время конфликта. А сколько эвакуировали людей и доставили гуманитарной помощи и не пересчитать.

Полковник покряхтел, пожевал губами, затем, не глядя на нас, резко придвинул к себе стопку листов.

— Ладно. Оставляйте. Через десять минут зайдёшь, Аркаев.

— А разрешите я тоже зайду? — спросил я

Жомтов поднял на меня взгляд. В его глазах читалась смесь раздражения и смирения. Он понял, что сегодня не его день.

— А вы бы сходили к командующему, пока он здесь. Доложите как раз.

— Никак не могу, товарищ полковник. Убываю только через три дня. Так что…

— Ой, всё! Ждите, я позову, — махнул рукой Жомтов, и мы вышли из кабинета.

В коридоре Беслан шумно выдохнул и вытер испарину со лба.

— Ну ты даёшь, Саныч. Я прям удивлён… — сказал Аркаев.

Уже через пять минут дверь кабинета открылась. Жомтов лично вышел и протянул документы, которые Беслан быстро забрал.

— Свободны. Оба, — недовольно посмотрел на нас полковник и вновь закрыл дверь.

Беслан удивился вдвойне. Резолюция на документах была написана прям молниеносно.

— Как так у тебя получилось? — спросил Аркаев.

— Работа такая. Давай документы. Пойду к Ванилину.

К сожалению, командующий был неуловим. Видимо, слишком у него много задач по поддержанию мира и правопорядка в Абхазии. И это не ирония.

Три дня пролетели как один боевой разворот. Мы запаковали немногочисленные пожитки, техники оформляли бесконечные акты передачи. Но главное дело оставалось незавершённым до последнего момента.

В кабинет командующего я постучался уже перед самым вылетом домой. Наш транспортный Ан-26 должен был вылететь через час, так что времени у меня было немного.

К походу в кабинет Ванилина я подготовился. Надел уставной лётный комбинезон.

— Войдите! — услышал я голос Ванилина, когда постучался к нему в кабинет.

Генерал стоял у карты, что-то помечая красным карандашом. Увидев меня, он отложил карандаш и устало потёр переносицу.

— А, Клюковкин. Наконец-то улетаешь… то есть с докладом? — спросил Ванилин.

— Так точно.

— Ладно, про улетаешь я пошутил. Докладывай, — сощурился Ванилин.

Я подошёл к столу и положил перед ним тонкую папку. Сверху лежал тот самый список наградных на парней Беслана, уже подписанный полковником Жомтовым, но ещё не утверждённый окончательно товарищем командующим.

Я быстро доложил, что прибывший личный состав готов к выполнению задач в горной местности и сейчас уже работает самостоятельно.

— Это хорошо. Кое-кого я успел оценить. А это что? — спросил Ванилин, кивнув на папку.

— Это наградные листы на лётчиков 215-й отдельной вертолётной эскадрильи. Аркаев и его ребята. Я лично всё проверил, товарищ генерал. Начальник штаба резолюцию оставил, но ваше слово — решающее.

Ванилин открыл папку, надел очки и быстро пробежался по рапорту

— Аркаев, значит. И что, Жомтов вот так просто подписал? — спросил генерал-полковник.

— Никак нет, товарищ командующий. Была долгая беседа.

В уголках глаз Ванилина собрались морщинки от скрытой усмешки.

— «Убедил», значит. Знаешь, ты и дипломат, и лётчик, и командир. А самое интересное, что ты ещё и наглец. Впрочем, на войне и это тоже иногда нужно.

Он размашисто, не дрогнув рукой, поставил свою подпись в углу листа: «Утверждаю». Закрыл папку и положил ее на край стола, в стопку с табличкой «На отправку в Москву».

— Будут орлам Аркаева награды. Заслужили.

Затем генерал вышел из-за стола. Это было неожиданно. Обычно он предпочитал общаться не вставая с места. Ванилин подошёл ко мне вплотную, оглядел мою лётную форму.

— Спасибо тебе, подполковник. Звёздочка Героя Абхазии твоя заслуженная.

Он протянул мне руку.

— Служу Советскому Союзу! — по привычке отчеканил я, пожимая его руку.

— Бывай, Клюковкин, — ответил Ванилин и крепко сжал мою ладонь. — Иди. Борт ждать не будет.

Я развернулся через левое плечо и подошёл к выходу из кабинета.

— Ещё кое-что, Александр, — позвал меня Ванилин, и я повернулся.

Он медленно снял очки и почесал переносицу.

— Ты… в училище учи хорошо ребят. Уму и разуму. Науке военной тоже. Не последняя война. Нам нужны будут лётчики.

Глава 6

Сентябрь, 1991 года, Дежинск, Куйбышевская область.

Дорога домой была недолгой. Предназначенный нам под перевозку Ан-26 доставил нас напрямую в Дежинск.

В длительный отпуск сходить у меня не вышло. В очередной раз нужно было нагонять план подготовки курсантов. Лётчиков-инструкторов в нашем полку всегда не хватало, так что и для меня был определён объём вывозных и контрольных полётов, а также других задач.

На улице моросил дождь. Приходилось обходить лужи на асфальте.

На ходу я достал из кармана ключи.

У нашего подъезда, несмотря на мерзкую погоду, шло очередное заседание «комитета общественного контроля». На мокрой лавочке, подстелив шерстяные одеяла и укутавшись в платки, сидели три бессменные стражницы нашего двора: Марья Семёновна, Анна Ильинична и баба Вера.

Завидев меня, они оживились, будто станции обнаружения и целеуказания комплексов ПВО при наведении на цель.

— О, Сашенька идёт! — проскрипела Марья Семёновна, поправляя очки с толстыми линзами.

— Со службы, соколик? — улыбнулась мне баба Вера.

Я притормозил и в шутку отдал воинское приветствие.

— Подтвердил. Здравия желаю, молодая гвардия! Как обстановка на вверенном объекте?

Бабушки замахали руками.

— Да какая обстановка, Саша. В «Военторг» сегодня минтай мороженый выбросили. Очередь — жуть какая! Мы с Ильиничной с обеда стояли, еле урвали. Ты Тоне скажи, пусть сбегает, может, осталось ещё. Или в «Продукты». Там тоже привоз был.

Я кивнул и собирался уйти, но на этом «доклады» не закончились. Слово взяла Анна Ильинична. Она понизила голос до шёпота, которым говорят обычно заговорщики.

— А ещё, Саша, в третьем подъезде, у замкомбата связи вчера опять скандал был. Он жену с замом по вооружению застукал. Ой, крику было! Говорят, на партсобрание вызывать будут. Срам-то какой!

Я кивнул, однако в свете последних сокращений должностей парторга и секретаря комсомольской организации, партсобрания начинают терять свою актуальность.

— Разберёмся. Вы бы не мокли под дождём, — кивнул я с самым серьёзным видом.

— Иди, иди, сынок, — закивали бабульки.

Я пошёл к подъезду, а за спиной обсуждение продолжилось. Теперь оно и меня коснулось.

— Тонечка там уже заждалась. Ох и повезло девке с мужиком, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

— Да! Сашка в генералы скоро пойдёт. Я вот прям чую…

Провожаемый одобрительным шёпотом, я нырнул в подъезда, на ходу доставая ключи из кармана.

Замок приятно и тихо щёлкнул, когда провернул ключ. Я толкнул дверь и вошёл в квартиру.

— Саша, ты уже дома? — моментально услышал я голос Тоси с кухни.

— Да. И очень сильно хочу есть, — ответил я, стягивая с плеч лётную куртку.

В нос моментально ударил аромат жареной картошки и чего-то сдобного. Повесив куртку на вешалку, я устало потёр шею и бросил взгляд в коридор.

У стены стояли шесть увесистых рулонов обоев. Светло-бежевые, с мелким, едва заметным тиснением. Не так уж и просто было достать, но для спальни, где будет спать ребёнок, хотелось чего-то спокойного и светлого.

Я прошёл на кухню, откуда было слышно громкое шипение масла. Тоня стояла у плиты, помешивая что-то в скворчащей сковородке.

Её светлые волосы были собраны в пучок, а домашний халат слегка натянулся на животе. Уже как пятый месяц, а растёт «пузожитель» не по дням, а по часам.

Я невольно залюбовался ею. Красавица. А ведь она прошла Афган и Сирию, видела крови не меньше моего и носит на теле шрамы от осколков. Сейчас на этой кухне, её характер спрятался глубоко внутри.

Она обернулась и улыбнулась так, что усталость как рукой сняло.

— Мойся. Минут через 10 всё будет готово.

Я принял душ и переоделся. Пока я ужинал, Тоня, подперев щеку кулаком, наблюдала за мной.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего. Просто люблю смотреть, как ты кушаешь, — посмеялась Тося. — Кстати, я тут перехватила кассету. Саму Ленку Скворцову обставила.

Супруга выглядела довольной в этот момент. В эти годы видеокассеты были настоящим культом. Их обменивали, переписывали и засматривали до дыр.

— Мда. И что за фильм? — спросил я.

— Сейчас. Я тебе даже покажу, как он правильно называется. Кстати, Миша Хавкин собрался видеопрокат открыть. Уже его брат начал давать в аренду кассеты… — рассказала Тоня, уходя в комнату.

Миша Хавкин был всем известен, как человек не просто с коммерческой жилкой, а с суперспособностью достать всё и всех. Я его таким помню ещё со времён нашей командировки в Сирии.

— Мне сам Миша сказал, что отличный фильм. Захватывающий! Сказал, что нам с тобой вдвоём его надо смотреть.

— Вдвоём?

— Да. И он удивился, что мы с тобой его ещё не смотрели.

Тося вернулась через минуту и с довольным видом протянула мне кассету.

— Фильм приключения, комедия, производство США.

Я чуть не подавился картошкой от увиденного названия… фильма для взрослых. Прокашлявшись, я медленно взял кассету, чтобы прочитать на этикетке название.

— Всё хорошо? — спросила Тоня.

— Абсолютно… кхм, у Миши странное понятие о приключенческих фильмах, — улыбнулся я.

— В каком смысле?

— Дорогая, если хочешь, мы этот «киношедевр» посмотрим с тобой вместе. Только перед сном, для атмосферности, — предложил я.

Я объяснил Тоне, что это за фильм. Естественно, она не оценила желание Хавкина разнообразить нашу с ней жизнь, расширяя горизонты нашего познания.

— Срам. Я этому Мише уши надеру!

После хорошего ужина Тоня предложила не заниматься строительными работами, а прогуляться по городку. Так сказать, проветриться перед сном.

Я помог жене надеть светло-серое пальто, а сам надел кожаную куртку, но уже гражданскую. Тоня критически оглядела себя в зеркало, поправила берет и, подхватив меня под руку, скомандовала:

— Пошли, мой герой.

На улице уже сгущались сумерки. В воздухе стоял запах прелой листвы и дымка из частного сектора, что подступал к гарнизону. Мы неспешно брели по мокрому асфальту, обходя лужи.

Во дворе, несмотря на сырость, кипела жизнь. Детвора оккупировала детскую площадку. Малышня в разноцветных резиновых сапожках самозабвенно мерила глубину луж. Какой-то мальчик в съехавшей набок шапке с помпоном старательно топал ногой по воде, поднимая фонтаны брызг. В этот момент чья-то мама с балкона второго этажа обречённо кричала:

— Виталик! Я кому сказала, домой!

— Сейчас, мам, — ответил тот самый мальчик, топающий по лужам.

Виталик не особо торопился домой. У него была важная гидрологическая миссия по изучению местных «мини-водоёмов».

Мы свернули к центру городка. Как раз у КПП обосновалась новая жизнь.

— Слышишь? Теперь такие ритмы модные, — сказала Тося.

Издалека доносились ритмичные басы из колонок ларька недалеко от КПП.

— Лондон, гудбай! Лондон, прощай, я здесь чужой… — играла песня группы «Кар-Мэн».

Музыка гремела из коммерческого ларька, который открылся пока меня не было в городе. Ларёк был сварен из металлических листов, с мощными решётками на окне и яркой вывеской «ПРОДУКТЫ-2».

Мы подошли поближе. Витрина, подсвеченная изнутри яркой лампой, слепила изобилием, от которого у неискушённого советского человека рябило в глазах. Чего тут только не было.

Ликёр «Amaretto» с красивой миндальной косточкой на этикетке. Это была мечта всех гарнизонных дам. Рядом привычное «Советское» и «Цимлянское» шампанское. Дальше пачки сигарет «Magna», «Bond», «Congress» и другие выстроились ровными рядами, потеснив привычную «Приму».

А чуть ниже — детский рай. Жвачки «Turbo» с машинками, «Love is…», шоколадные батончики «Mars» и «Snickers». Ценники были написаны от руки на кусочках картона чёрным маркером.

— И обёртки красивые. Видишь, как малышня смотрит? — заметила Тоня.

Действительно, сбоку от окошка выдачи, прилипнув носами к стеклу, стояли двое пацанят лет семи. Они заворожённо смотрели на батончики, обсуждая, что бы они купили, если бы нашли клад.

Через час мы решили заканчивать прогулку. До нашего дома оставалось совсем немного.

Мы свернули с оживлённой улицы и пошли вдоль бетонного забора, огораживающего территорию полка. Мокрые бетонные плиты с колючей проволокой, тянулись бесконечно, скрывая за собой казармы, плац и стоянки техники. Фонари горели через один, отбрасывая тени на тротуар.

— Здесь так тихо. Мне вообще нравится, когда после полётов на аэродроме тишина. Днём всё бурлило, а потом смолкает моментально, — замечталась Тося.

— Да. И остаётся только запах.

— О да! Ещё не развеянные выхлопные газы и керосин. Если летом, то пахнет ещё и травой. А если мороз, как в Соколовке, то глаза щипит… А это кто? — прервалась Тося, показывая вперёд.

В свете от одинокого фонаря я увидел фигуру. Это была девушка, которая стояла прямо у бетонной стены, нервно переступая с ноги на ногу.

— Смотри, ждёт кого-то, — шепнула Тоня.

Девушке было лет восемнадцать, и одета она была по самому писку «дежинской» моды. Сквозь расстёгнутый болоньевый плащ кислотно-розового цвета виднелась джинсовая мини-

юбка «варенка», едва прикрывающая бёдра. Ноги обтягивали блестящие чёрные лосины. На ногах белые кроссовки на липучках.

— Уже отсюда знаю, примерно кого и откуда ждёт, — произнёс я.

— Ах! А лака «Прелесть» не пожалела, — улыбнулась Тося, почуяв знакомый запах лака для волос.

На голове у ожидающей девушки был начёс такой высоты и твёрдости, что им можно было бы, наверное, колоть орехи. В ушах болтались огромные пластмассовые серьги ядовито-салатового цвета. Она жевала жвачку, а запах дешёвых сладких духов перебивал даже сырость осени.

Мы поравнялись с ней. Девушка, заметив меня, вдруг выплюнула жвачку в руку и звонко, с вызовом поздоровалась:

— Здрасьте!

— Добрый вечер, — машинально ответил я.

— Саш, пойдём, пока не… — потянула меня за собой Тося, но не успела.

В этот самый момент над нашими головами раздался скрежет и шорох. С верхушки бетонного забора, прямо из темноты, отделилась тень и с глухим звуком приземлилась буквально в метре от нас.

— Ой! — взвизгнула девушка.

Парнишка, спрыгнувший с забора, резво вскочил на ноги. Он был в куртке, под которой можно было рассмотреть турецкий свитер с надписью «Boys», и в широченных джинсах «пирамидах».

Он отряхнул джинсы на коленях, поднял голову, расплываясь в улыбке для своей дамы и… встретился взглядом со мной.

Тут же настроение у него пропало, а влюблённый взгляд сменился на испуганный. Глаза округлились до размеров блюдец. Он застыл, не зная, то ли бежать, то ли воинское приветствие отдавать, что в свитере «Boys» выглядело бы полным идиотизмом.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — громко произнёс курсант и… приложил-таки правую руку к виску.

Я прищурился, узнавая знакомые черты даже в полумраке.

— И тебе не болеть. К пустой голове руку не прикладывают.

— Виноват, товарищ подполковник.

— Курсант Басюк, если я не ошибаюсь? Третий курс?

— Саша, только спокойнее, — шепнула мне на ухо супруга.

Курсант вытянулся в струнку и задрал нос к верху. Мне показалось, что он гордится тем, что я назвал его фамилию. К нему подошла девушка и взяла его за руку. Видно, что переживает за последствия подобных гулянок.

— Так точно, товарищ подполковник! Курсант Басюк.

— И что мы тут делаем в такое время? Я как бы вижу, что не территорию убираете и не в патруль заступили. Да и сомневаюсь, что у вас увольнительная есть. Что скажете, Ромео?

— Виноват… — пролепетал Басюк, косясь на свою перепуганную «Джульетту» в лосинах.

Я почувствовал, как Тоня подошла ко мне ближе и аккуратно взяла под руку. Думает, так я буду менее жёстким с этим Дон Жуаном.

— Завтра ко мне в кабинет после постановки задач. А сейчас, чтобы через 35 минут ты стоял у дежурного по полку с… инвентарём. Скажешь, что у тебя бессонница и ты жаждешь вымыть первый и второй этажи штаба, чтобы заснуть. Время пошло.

— Есть, — сказал Басюк и развернулся в сторону КПП, быстро попрощавшись с девушкой.

Она смотрела на меня и испуганно хлопала накрашенными ресницами.

— Стоять! А даму почему оставил одну? — остановил я Басюка.

— Виноват. Так у меня же…

— 34 минуты, — перебил я курсанта.

— Есть, 34 минуты, — кивнул он, взял за руку девушку, и они рванули в сторону домов.

Тося положила голову мне на плечо и мечтательно закатила глаза.

— Ну вот, спугнул кавалера. Строгий ты, Саша, — усмехнулась Тоня, когда мы отошли подальше.

— Не строгий, а справедливый. Хорошо хоть ноги не переломал, герой-любовник.

Утром следующего дня я вошёл в штаб и тут же был встречен дежурным по полку.

— Товарищ подполковник, дежурный по полку…

— Вольно, Дима. Привет, — поздоровался я с майором, который был заместителем командира одной из эскадрилий по ИАС.

— Здравия желаю! Всё хорошо, без происшествий. Вчерашняя задача выполнена, — ответил он с улыбкой.

Это он мне напомнил про Басюка. И действительно, в коридорах и на входе до сих пор пахло солдатским мылом.

— Это хорошо.

— Я только не понял, за что вы его так. Он как электровеник вчера тут до двенадцати часов ночи всё вымывал.

— Как за что? Он мне говорит: « - Не могу уснуть, Сан Саныч, не знаю что делать, подскажите лекарство». Вот я ему и посоветовал, — улыбнулся я и пошёл в направлении центральной лестницы.

Как обычно, в это время должно было состояться совещание в кабинете у Игнатьева. Я постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл в кабинет командира полка.

— Заходи, Сан Саныч. Пока никого нет ещё, — сказал командир, когда я поздоровался с ним.

Полковник Пётр Алексеевич Игнатьев сидел за своим массивным столом. В кабинете пахло крепким чаем и дешёвым табаком «Ява». Командир выглядел уставшим. Седины на висках за последние месяцы прибавилось. Держать столь большой полк в порядке стоило ему немалых нервов.

Я опустился на стул, положил перед собой папку.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет потянулись остальные. Первым вошёл начальник штаба. За ним замполит, майор Коваленко. Как обычно грузный, с вечно красным лицом и неизменной папкой под мышкой. За ним семенил вечно озабоченный зам по тылу подполковник Зуев, вытирая лысину платком. Следом подтянулись командиры эскадрилий. Среди них и Витя Скворцов, мой однокашник. А замыкали процессию старший штурман и заместитель командира по лётной подготовке. Все уселись за длинный стол, скрипя стульями.

Сначала обсудили общие вопросы, порядок работы на неделе, в том числе и расписание лётных смен. А потом начались проблемные вопросы.

И первый озвучил командир, обратившись к одному и командиров эскадрилий.

— Сериков, ты мне скажи, у тебя людей не хватает? Инструкторов я имею в виду. Одна лётная группа вообще выбивается из графика.

— Лётчик-инструктор этой группы уволился, товарищ командир. Командир звена на списание уехал. У кого время появляется, те и летают…

— Это не оправдание. Почему мы сейчас об этом узнаём, когда парням уже надо двигаться и дальше. Что предлагаешь, Василь Васильевич? — спросил Пётр Алексеевич у Серикова.

Комэска посмотрел на зама по лётной подготовке и на старшего штурмана, будто искал у них ответа на вопрос. Но эти двое «выпали» по ВЛК. Им назначено стационарное обследование только через неделю.

— Что за группа, Васильевич? — спросил я.

— Да… обыкновенная. Пять человек. Все «летучие», — ответил Сериков.

Я отметил себе в рабочей тетради новую задачу.

— Командир, я возьму над ними шефство. Четвёртый курс есть кому «возить», так что поработаю с ними.

— Хорошо. Я тебя в отпуск хотел отправить так-то через неделю, — улыбнулся Игнатьев.

— Мы никуда с Антониной Степановной пока не спешим.

Данный вопрос тоже был быстро решён. Но Пётр Алексеевич оставил самое главное напоследок.

— Ладно. Я вас не только за этим позвал. У нас тут дата на носу.

Он поднял на всех серьёзный взгляд, встал со своего места и пошёл к окну.

— Полку нашему пять лет исполняется. Первый юбилей. Маленький, но свой.

Я кивнул. Пять лет назад мы пришли на этот пустырь и создали здесь один из лучших учебных вертолётных полков. У нас самый большой налёт в Уфимском училище и по качеству подготовки нас все выделяют.

— Отметить надо. Людей взбодрить. А то ходят все смурные. Надо праздник. Слово заместителю по полит… ай, как ты теперь обзываешься… по воспитательной работе. Что у нас по плану культурно-массовых мероприятий, Роман Петрович?

Коваленко важно откашлялся, открыл свою папку и начал бубнить, водя пальцем по строчкам.

— Значит так… План мероприятий следующий. Первое — торжественное построение личного состава на плацу с выносом знамени. Далее будет митинг, выступление командования и членов райкома. Ожидается прибытие начальника училища. После этого — спортивный праздник. Перетягивание каната между подразделениями. Изюминка — эстафета в противогазах и другие виды бега. И, конечно, товарищеский матч по футболу. Вечером — концерт художественной самодеятельности в клубе и танцы с приглашением учащихся Дежинского медицинского училища.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только сопением зама по тылу. Пока что ни у кого энтузиазм к первому маленькому юбилею полка не проснулся.

— И стенгазету выпустим. А ещё «Боевой листок» с фотографиями отличников, — добавил Коваленко, словно это был козырной туз у него на руках.

Игнатьев пожевал губу, глядя на нас. Судя по всему, не про стенгазету он хотел бы услышать.

— Вопросы, предложения?

— А колбаса будет? — тихо кто-то спросил, вызвав сдержанный смешок.

Тут активизировался Зуев, который почти уснул уже.

— С продовольствием решим. Полевую кухню выкатим. Праздничный завтрак будет, маленький фуршет сделаем…

Я слушал это и чувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Стенгазета? Перетягивание каната? Эстафета в противогазах? Это всё хорошо и должно быть, но это ведь праздник не только для личного состава. Он должен быть праздником для всего города, района. А может и области.

— Если честно, то чего-то не хватает, — сказал я.

Все головы повернулись ко мне. Коваленко аж поперхнулся воздухом.

— Что значит не хватает, Сан Саныч? Это классическая программа патриотического воспитания… — обиженно сказал замполит.

— Не ставлю под сомнение обязательную процедуру проведения мероприятия, Роман Петрович. Но в вашем плане не хватает самого главного — праздника. Вы бы ещё объявили всем курсантам, что будет марш-бросок на 10 километров с вещмешками и автоматами, а потом бы его торжественно отменили. Всем бы стало весело.

— Хм… интересная идея, Саныч, — улыбнулся Витя Скворцов.

— Я знал, что ты оценишь. Но если серьёзно, мы кому праздник делаем? Себе или для отчёта? Пять лет полку! Город должен видеть мощь советской армейской авиации. Возможно, кто-то из посетителей потом придёт к нам служить или поступит в лётное училище. И всем будет говорить, как он влюбился в небо и вертолёты, когда пришёл на юбилей нашего полка.

Игнатьев заинтересованно прищурился.

— Критикуешь — предлагай, Сан Саныч. У тебя есть идеи?

Я обвёл взглядом присутствующих. В глазах командиров эскадрилий мелькнул интерес. Да и остальные замы прониклись к моей идее.

В голове у меня уже сложилась картинка. Яркая, дерзкая, такая, какой ещё не видел наш Дежинск.

— Есть, Пётр Алексеевич, идея. Провести не просто «спортивный праздник». А устроить настоящее авиационное шоу. День открытых дверей. Пустить гражданских на аэродром. Детей, жён, местных. Всё согласовать с компетентными органами. Показать людям технику. Не на картинках в стенгазете, а вживую. Дать потрогать, в кабине посидеть. Естественно, что под нашим присмотром.

— Гражданских? — охнул начальник штаба, который до этого тихо сидел.

Я его понимаю, поскольку пропускной режим будет на нём. Но оно того стоит.

— Главное — лётная программа. Мы устроим показательные выступления. Проходы парами, роспуск, пилотаж на предельно малых. Покажем, что мы умеем. Чтоб у людей дух захватило. Чтоб пацаны, которые сейчас по ларькам «Турбо» покупают, головы вверх задрали и рты открыли.

Я распалялся всё больше. Но тут и у остальных появились идеи.

— У меня есть связи в Куйбышеве. Можно договориться с парашютистами-спортсменами. Пусть прыгнут с флагами, с дымами, — предложил зам по лётной.

Я кивнул и показал поднятый вверх большой палец.

— Раз так, то можно и музыку на аэродром вывести. Не баян, а аппаратуру мощную… — вклинился в работу комэска Сериков.

— Баян обязательно! — хором сказали несколько человек, в том числе и я.

Сериков улыбнулся и согласился, что без баяна будет плохо.

— Кстати, не только полевую кухню. А шашлыки организовать, кооператоров подтянуть с лимонадом и выпечкой. Сделаем народное гуляние, а не обязаловку. С шиком, с размахом. Чтобы весь район гудел, — поддался общему настроению зам по тылу.

Так появились ещё несколько идей. В кабинете повисла совсем другая тишина. Не сонная, а наэлектризованная. Игнатьев смотрел на меня, и в его уставших глазах загорался огонёк азарта.

— Авиашоу, говоришь? С парашютистами и шашлыками? — медленно произнёс он, барабаня пальцами по столу.

— Так точно. Люди заслужили праздник, командир. Настоящий, — выдохнул я.

Игнатьев резко хлопнул ладонью по столу.

— Давай, Клюковкин. Если сделаем, я лично два ящика коньяка поставлю и отметим.

Все заулыбались. Даже замполит Коваленко активизировался. Но я ещё не все «карты» на стол выложил.

— Так, нам нужен список приглашённых гостей. Роман Петрович, кто у нас там по списку будет?

— Сейчас прикинем, но немного, — ответил замполит Игнатьеву.

— Командир, а у меня есть ещё идея. Вы не против, если пару друзей приглашу? — улыбнулся я.

Коваленко в этот момент покраснел ещё больше. Он понимал, что речь будет идти точно не про пару друзей.

— Саныч, только без фанатизма. Надеюсь, среди них министра обороны не будет? — предупредил меня Игнатьев.

Глава 7

После совещания я направился к себе в кабинет. До постановки задач на полёты было ещё достаточно времени, чтобы обдумать все возникшие мысли. А их было предостаточно.

Когда я толкнул дверь своего кабинета, в голове ещё крутились парашютисты, полевая кухня и предстоящий праздник. А ещё возможность повидаться с огромным количеством людей, которым не безразлична судьба армейской авиации.

У меня было стойкое ощущение, что всё вокруг, как сказал бы классик, «на пороге грандиозного шухера». Вроде Союз по швам не трещит, но моменты начала бардака в армии прослеживаются. «Парада суверенитетов» не случилось, но одна из окраин страны уже «полыхнула».

Я подошёл к тумбочке в углу, где у меня был «чайный уголок». Включил в розетку чайник и начал кипятить воду.

Экран ядовито-жёлтого «Шилялиса» уже работал. Моему взору предстал очередной выпуск новостей.

— К другим темам. Очередной пример демократических преобразований страны сегодня был продемонстрирован в Грозном. В результате мирных демонстраций и диалога между представителями Объединённого конгресса чеченского народа и Верховного Совета Чечено-Ингушской республики было принято решение о проведении всеобщих выборов на 17 ноября этого года… — передавала диктор.

Пока по телевизору показывали кадры из Грозного, я внимательно слушал, что говорят участники этих «мирных демонстраций».

Камера показывала зал, забитый людьми. На трибуне стоял бородатый человек в папахе и камуфлированной куртке. Он рубил воздух ладонью, выкрикивая слова на чеченском языке. О сути его речи можно было только догадываться. Сомневаюсь, что в ней было что-то конструктивное.

Куда только смотрит руководство страны?! По сути в Чечне уже начинаются совсем не «демократические» преобразования. Отойдя на минуту, я дождался закипания воды и налил себе чай. В это время на мой вопрос о том, «куда смотрит руководство» был дан ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.